

Раифский Альманах

ежегодное православное издание

№4 (004), 2014

с. 4
**Новости
полуправды**

с. 14
**Кресты Раифы
- хранители
православного
предания**

с. 80
**Библиотека
Духовной
академии**

almanac

От издателя

Цель сборника «Раифский Альманах» —
христианское
и духовно-нравственное просвещение,
знакомство читателей
с православными традициями
и жизнью Православной Церкви...

На страницах «Раифского Альманаха» —
церковно-исторические труды, мемуары,
уникальные архивные материалы,
литературные произведения,
оригинальные, ранее не опубликованные
или незаслуженно забытые
святоотеческие труды...

«Раифский Альманах» представляет
читателям наших современников —
православных авторов художественных
произведений, музыкантов,
фотомастеров, художников...

*Раифский
Альманах*

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 г.

По благословению наместника
Раифского Богородицкого
мужского монастыря
архимандрита
ВСЕВОЛОДА
(Захарова)

Раифский АЛЬМАНАХ

Учредитель и издатель:

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

Ольга Крестинина

На 1-й стр. обложки:

Фрагмент креста над куполом
Троицкого собора Раифского монастыря

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации

ПИ № ТУ 16-00596 от 1.08.2011

Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Республике Татарстан
(Татарстан)

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>

Тел. (84371) 3-47-59

**Издательский отдел
Раифского Богородицкого монастыря,
2014. — 103 с.**

СОДЕРЖАНИЕ

с. 4

Новости полуправды

Иван МЕНЬ

с. 14

Раифа: иконы святителя Николая, Чудотворца

Мария МАХАНЬКО

с. 28

Кресты Раифы – хранители православного предания

Екатерина КЛЮЧЕВСКАЯ

с. 44

Из истории библиотеки Казанской духовной академии

Борис КУНИЦЫН

с. 65

Архивное, семейное, личное...

Ирина ПОРФИРЬЕВА

с. 82

Гоголь и Православие

Андрей РОЩЕКТАЕВ

с. 92

Раифская классика

иеромонах ВЛАДИМИР (Овчинников)

Один молодой и милостивый правитель пригласил Ходжу Насреддина стать его советником. Юноша слушался советов Ходжи, учился у него, и подвластные ему земли достигли процветания. А Ходжа впервые в жизни стал получать большое жалование.

Однажды жена Ходжи спросила о чем-то, а Насреддин ответил: «Не знаю».

— Тоже мне, советник! — вспыхнула жена. — Правитель столько платит тебе за твои советы, а на мои вопросы только и ответ, что «не знаю»!

— Дорогая, правитель платит мне за то, что я действительно знаю. Если бы я получал плату за то, чего я не знаю, то всех богатств мира не хватило бы оплатить мое незнание.

Притчи о Ходже Насреддине

Однажды пришли старцы к авве Антонию Великому, между ними был и монах Иосиф. Авва, желая искусить их, завел речь от Писания и стал спрашивать объяснение у каждого, начиная с младших. Каждый давал объяснение по своему разумению, а Антоний находил объяснение каждого неудовлетворительным. Потом, обратясь к монаху Иосифу, сказал ему: «Ты как объяснишь это слово Писания?» Иосиф отвечал: «Не знаю». Тогда авва Антоний Великий сказал: «Однако монах Иосиф нашел путь, на котором говорят «не знаю».

Отечник,
составленный свт. Игнатием Брянчаниновым

*«В начале было Слово, и Слово
было у Бога, и Слово было Бог».*

Евангелие от Иоанна

Иван Мень,
специально
для «Раифского Альманаха»

Новости полуправды

«Наука и религия — две разные области познания,» — это недавнее высказывание митрополита Илариона (Алфеева) не всем приходится по душе. С течением времени в научной среде всё чаще встречаешь стремление вытеснить религию за пределы путей познания. Во что это выливается можно рассмотреть на примере некоторых последних публикаций.

Первая

«Статья Леонида Гроервейдла «Наука на марше по тельавивски» — «ЕЖЕВИКА — Ев-

рейская Живая Вики-энциклопедия», 7 февраля 2014 года — деликатно не затрагивает напрямую религиозную сторону проблемы. Вот основные выдержки:

«Археологи из Тель-Авивского университета покопали в окрестностях рудников Тимны и не нашли там костей верблюдов в слоях ранее конца X века до н.э. Из этого сделан мощный вывод, что на ВСЕЙ территории Страны Израиля до этого времени не было верблюдов.

То есть в сорокнадесятый раз «подтверждено», что рассказ о сватовстве невесты для Ицхака — анахронизм, сочинённый через тысячу лет с лишним после описываемого времени. А значит, вся историческая часть Торы недостоверна, еврейской истории не было и т. д., и т. п.»

За «и т. д.» Леонид Гроервейд тактично скрывает один из главных доводов безбожников: если в Библии (Тора — это Пятикнижие Моисея, упоминаемый далее Та-НаХ — почти весь Ветхий Завет) есть хоть один случай неправды, то это не Откровение Божье, а человеческая выдумка. «Бога попы выдумали!..»

Но — далее: «А если верблюжьих костей в этом районе и нету, это совершенно не значит, что их нету в слоях того же периода в других районах Страны Израиля. Тем более, что не было верблюдов.

Прежде всего, кости находят в помойных кучах. Это кости съеденных животных. Овец, коз и некоторых видов прирученных антилоп. Верблюды некошерны, наши предки их не ели. Да и никто не ел без крайней необходимости — это были транспортные животные. То есть их костей на кухонной помойке не найти.

А кости тех, что почему-то сдохли в дороге или от старости, не попали в помойку при поселении, а обглоданы шакалами в пустыне».

Даже на Западе ныне автомобильные свалки существуют отдельно...

«Авраам в Тимну не ходил; кочевал по южном Самарии (район Бейт-Эля) и послал своего работника на верблюдах в область Мари на верхнем Евфрате, где жили его родственники. Пускай поищут там. Если хотят действительно разобраться в вопросе.

А если хотят опровергнуть ТАНАХ — можно ещё и не то написать. Долго писали, что никакого царя Давида не было, поскольку не нашли его дворца — пока таки не НАШЛИ. И исхода из Египта «не было», поскольку не найдено следов пребывания наших предков (кочевников, не строивших постоянных сооружений) в Синае в течение сорока лет».

С течением времени в научной среде все чаще встречается стремление вытеснить религию за пределы путей познания. Публикуется впервые

«Понятно, что никому не нравится, когда что-то не укладывается в его картину мира. Кто-то — правоверный атеист, и ему хочется считать, что Тора — это враки. Кто-то точно знает, что вся эта земля — Палестина и евреев никогда не было и не должно быть. Часто это одни и те же люди».

Вторая

«Споры о том, являются ли описываемые в Священном Писании события легендами или им можно доверять, не утихают многие годы... И любые

сомнения в библейских историях — это чистейший атеизм... А настоящие атеисты видят в библейских историях как набор легенд, так и действительных событий, причём для описываемых чудес ищут научные объяснения. Для них само понятие «чудо» — это всего лишь что-то неизвестное, ещё не познанное. Но оно обязательно будет изучено. Если, конечно, не чистейший вымысел», — так более бойко пишет Юрий Медведев в статье «Как древние люди по воде ходили» — «Российская газета — Неделя», №259 за 13 ноября 2014 года.

*Аркадий Острицкий.
Элиезер и Ривка, фрагмент*

Правда, в самой статье нет ни слова о хождении по воде. Наоборот, первый же случай из Библии взят о хождении евреев по дну Красного моря и дано якобы чисто научное объяснение:

«...В своё время американские специалисты построили математическую модель, которая показала, как чудо могло действительно произойти. Если над мелководьем в течение 12 часов будет дуть очень сильный ветер (примерно как во время торнадо), то воды могли вполне разойтись, и образовался большой участок суши, через который и проскочили беглецы. Когда же ветер стих, воды вернулись на своё место, поглотив преследователей.

И вот совсем свежие данные, подтверждающие эту, прямо скажем, фантастическую историю. На пути из Каира в курортный город Хургада, на дне Красного моря, египетские археологи нашли фрагменты около 400 человеческих скелетов, а также большое количество военного снаряжения эпохи фараонов. Пока учёные осторожно заявляют, что эта находка с определённой долей вероятности может являться подтверждением библейской истории. Следует отметить, что археологи наткнулись на останки армии фараона случайно, во время работ по поиску древних судов и свидетельств торговли между землями, лежащими на берегах Красного моря».

Мы не случайно пишем «якобы научное объяснение». Автор позабыл открыть книгу «Исход» на главе 14, где давно уже читается следующее:

«И простёр Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону. Погнались Египтяне, и вошли за ними в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. ... И сказал Господь Моисею: прости руку твою на море, и да обратятся воды на Египтян, на колесницы их и на всадников их. И простёр Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась в своё место; а Египтяне бежали навстречу воде. Так потопил Господь Египтян среди моря».

Автор же сообщает нам далее:

«Напомним, что ранее немецкие археологи привели свою версию самой «громкой» библейской легенды: как от звуков труб, в которые трубили евреи, осаждавшие город Иерихон, рухнули его стены».

Тут прервём автора, который снова позабыл открыть Библию, а довольствовался расхожим выражением насчёт «труб иерихонских». Итак, открываем главу 6 в «Книге Иисуса Навина»:

С течением времени в научной среде все чаще встречается стремление вытеснить религию за пределы путей познания. Публикуется впервые

«Тогда сказал Господь Иисусу: вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, и находящиеся в нём людей сильных; пойдите вокруг города все способные к войне и обходите город однажды в день; и это делай шесть дней; и семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом; а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами; когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и стена города обрушится до своего основания...»

Как видим, всё дело не в трубах, которые трубили и в предыдущие шесть дней, а именно в громком кличе. Но дадим слово коллеге:

«Раскопки показали, что действительно около 1400 лет до н.э стены пали необычным способом. Не было ни подкопа, ни стенобитных машин. Наиболее вероятно, что город разрушило землетрясение, следы которого и обнаружили археологи. Таким образом, наука подтверждает библейское описание необыкновенного падения стен Иерихона, однако называет «земную» причину чуда — сейсмический удар.

Другая группа немецких учёных нашла объяснение описанному в Библии «десяти казням египетским». Это было не чудо, не обрушившаяся на египтян кара Господня за то, что они не отпускали евреев, а природные катаклизмы».

*Иерихон.
Рисунок из сети Интернет*

Здесь мы прервём речь Юрия Медведева, чтобы спросить, наконец: не кажется ли ему удивительным, что все эти катаклизмы происходили именно после того, как Моисей или все евреи производили все те действия, каковые им предписал Господь?

Почему совпало так, что евреи проскочили посуху, а египтян потопило море? Почему море расступилось именно тогда, когда сыны Израилевы подошли к морю — ни часом раньше, ни часом позже? Почему совпало так, что тотчас после боевого клича израильтян и именно на седьмой день произошло землетрясение? Почему совпало так, что именно на время правления фараона

Рамзеса II повалились на египтян такие напасти, которых не случилось больше никогда — ни до, ни после сего?

Так и вспоминается ещё дореволюционный анекдот. Архиерей на экзамене спрашивает семинариста: «Веришь ли ты, братец, в чудеса?» Тот отвечает, что не верит. «Ну, вот, представь, у нас на днях диакон полез на колокольню, да сорвался с такой высоты, но — не убится. Совершенно цел и здоров. Разве не чудо?» — «Это, Ваше Преосвященство, случай. Вот, миллион раз люди падают и разбиваются, а в одном случае из миллиона — нет.» — «Ну, так слушай: он и в следующий

Моисей у Красного моря.
Рисунок из сети Интернет

С течением времени в научной среде все чаще встречается стремление вытеснить религию за пределы путей познания. Публикуется впервые

раз поднялся на колокольню, сорвался — и снова ничего! Разве не чудо?» — «Нет, Владыко, это уже совпадение.» — «Ладно... А вот если и третий раз — ничего?» — «Ну, а это, Ваше Преподобие, — уже привычка!»

К сожалению, у большинства неверующих людей образовалась привычка даже подтверждение истинности библейских сообщений обращать в пользу своего неверия.

Как выше писал по-научному честно Леонид Гроервейд, никому не нравится менять свою картину мира. Между тем и в Библии вмешательство Бога в дела людей выглядит нередко воздействием природных сил, но сам текст Священного Писания не даёт повода считать это совпадением. И если сами исторические сведения Библии оказываются достоверными, то почему мы должны отбрасывать обоснование сих событий как следствие Божия Промысла? Нет уж, слишком много совпадений!

Заключение

Да, поиски учёных, безусловно, полезны. Даже простое признание: «Библия говорит правду,» — уже может поколебать убеждения кого-то из безбожников, а это само по себе ценно как первый шаг из области научного познания к области познания религиозного.

Впрочем, будем трезво смотреть на вещи, на наше общество — легко ли ему перейти на путь познания мира через религию?

Октябрьская революция освободила народ от религии. Коммунистическая партия, наконец, разрешила людям отбросить тяжкий путь в Царство Небесное и взамен сего устраивать такое легко понятное земное счастье.

Когда же люди убедились, что их обманывают и что в странах без социализма жизненный быт обустроен куда лучше, бывшие коммунисты с радостью отбросили свою идею о коммунистическом «рае». Они предложили через «перестройку» перейти в новый «рай на земле» — теперь на западный образец.

Словом, как ни крути, а за последние сто лет в России выросли поколения людей, которые привыкли к горизонтальному измерению — земному — и даже Церковь и вообще христианство воспринимают как средство, которое избавляет от земных неурядиц.

Интеллигенция с удовольствием подхватывает:

«Либерализм имеет христианскую основу по той простой причине, что Сам Иисус Христос говорил и поступал как либерал.»

Это я цитирую одну из статей в октябре 2014 года автора под кличкой Gabrielle в «Записках бунтаря — Авторский блог Елены Преображенской».

Там же мы можем прочитать, что нам нехорошо отрываться от Запада, ведь он христианский. Хотя всем известно, что там от христианства остались рожки да ножки.

Так или иначе, новые либералы и демократы готовы прикрыть христианством свои чисто земные устремления. Бог им нужен в лучшем случае для укрепления нравственности. Хотя они тут же причисляют Самого Христа к геям, прости, Господи! Но писать о сем сейчас излишне.

Менее интеллигентные и более практичные люди обращаются ко Христу и к Церкви Христовой за тем, чтобы магическим образом избежать земных неприятностей. О чём исчерпывающе сказали две мои знакомые прихожанки православного храма:

— Болееешь? Надо в церковь ходить — там всё вылечат, на каждую хворь есть своя молитва!

— Дела плохо идут? А ты приходи в церковь и помолись Богу, и Он всё сделает по-нашему!

Для них и упомянутые научные открытия не имеют никакого практического значения. Ибо вся эта область познания — научная — тоже ползает по горизонтали.

Наука «не видит» Бога. И не может видеть! Ещё Кант научно доказал, что сам по себе человеческий разум не может ни

опровергнуть, ни доказать следующие вещи — Бытия Бога, бессмертия души, воскресения мёртвых и тому подобного.

Учёные — они могут видеть Его. Но только если перейдут к вертикальному измерению — от ада до рая.

«Но трудно, трудно, трудно — трудно справиться с собой,» — как поёт Юрий Антонов. Трудно оторваться от земли, по которой мы ползаем всем народом последние сто лет.

Люди довольствуются полуправдой, то есть той частью правды, что поступает в новостях из поисков по горизонтали. А полная правда открывается, когда человек из животного состояния перейдёт в присущее ему вертикальное положение.

С течением времени в научной среде все чаще встречается стремление вытеснить религию за пределы путей познания. Публикуется впервые

...Они вышли на террасу, а оттуда в сад, где недавно была воздвигнута статуя Тоуда, готовая к открытию. Художественное решение было такое смелое, что у грядущих поколений могло создаться совсем другое представление о Тоуде, чем у тех, кому довелось знать его лично.

**Взгляд был устремлен вдаль или, лучше сказать, в небеса, во всякому случае, гораздо дальше той латинской надписи на пьедестале, которую Барсук добросовестно перевел на английский, дабы удовлетворить любопытство Крота:
«Скромность прежде всего».**

Уильям Хорвуд. «Тоуд-триумфатор»

**«Придет гордость, придет и посрамление;
но со смиренными — мудрость».**

Притчи Соломона. Глава 11, стих 2

Раифский
Церковь
Св. Николая

**Мария
Александровна
Маханько**

кандидат искусствоведения,
старший редактор редакции
Церковной археологии
и искусства
Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия».

**Раифа:
иконы
святителя
Николая
Чудотворца,
архиепископа
Мирликийского**

**Святой Николай
Чудотворец
по праву считается
одним из самых
почитаемых святых
в христианском
мире. Это отношение
характерно для
Запада и Востока и,
конечно, для Руси
как древней, так и
современной.**

Чудеса, сотворенные святым Николаем при жизни и после, оставили глубокий след в памяти христиан в разных регионах и заслужили ему славу великого среди чудотворцев. Особым было прославление его в славянском мире, на Балканах и Руси. Можно думать, что начальная точка такого постоянного, растущего почитания святителя

Николая в Русской земле пришла на конец XI века, когда мощи святого были перенесены из опустевших от набегов ликийских Мир в итальянский город Бари. Вероятнее всего, что основными участниками прославления святителя Николая как чудотворца среди славян были князья и их дружинники. Уже в домонгольское время были известны сведения о чудотворных иконах Николы в Киеве, например, Никола Мокрый на хорах княжеского Софийского собора. Память о чудесном спасении «детища», утонувшего в Днепре и обретенного невредимым и совершенно мокрым возле иконы святителя, нашла воплощение в русских иконах святителя Николая с житием начиная с XIV века. Древние «киевские чудеса» составили особый цикл в житийной иконографии чудотворца и стали отличительным признаком его русских изображений. Действенность молитвы святителю Николаю признавали не христиане, неслучайно его призывали как свидетеля честного договора – русичи – с половцами, католики – с сарацинами.

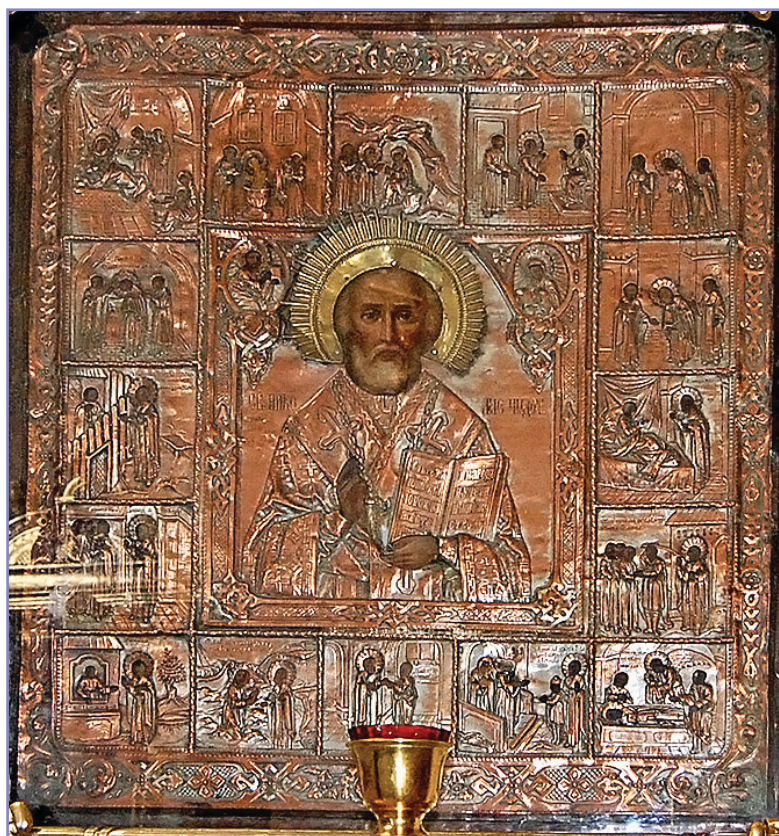
Иностранцы, посещавшие Московскую Русь в XVI-XVII веках, называли Николу «русским богом» из-за обилия его изображений в церквях и домах. На русском Севере именно Николе было посвящено такое количество церквей, что сложилась яркая скороговорка: «от Холмогор до Колы тридцать три Николы».

Неудивительно, что и среди икон Раифы так много изображений святителя Николая Чудотворца. Конечно, не все эти иконы принадлежали изначально к святыням и убранству монастырских храмов. Многие из них были переданы возрождающемуся монастырю благочестивыми прихожанами, чтобы восполнить хотя бы отчасти утраченные первоначальные святыни. Поэтому большинство из старых никольских икон – это предметы личной молитвы, семейные святыни. Тем интереснее посмотреть, какие же иконы с образом святого Николая осели в храмах монастыря, к каким традициям они принадлежат, с чем схожи и о каких особенностях почитания святителя Николая Чудотворца в Казанском крае могут рассказать.

Среди этих икон есть и храмовые. На фоне, отделанном под золото, святитель обращен к молящемуся с благословением, он держит закрытое Евангелие на покровенной левой руке, над ним в облачном медальоне – традиционные полуфигуры Христа и Богоматери, изображения которых составляют «Никейское чудо». Оно напоминает об одном эпизоде из жития святителя Николая Мирликийского, который имел место в дни проведения I Вселенского собора в Никее. Святой Николай, возмущенный еретическими высказываниями епископа Ария, ударил его, за что был лишен знаков святы-

«Оте священноначальнице Николае, моли Христа Бога спастись душам нашим»
Тропарь, глас 4

Публикуется впервые

*Святитель Николай с житием, 90x100 см, XVII век.
Раифский Богородицкий мужской монастырь*

Николай Чудотворец. Доска. 20x30 см. XIX век.
Раифский Богородицкий мужской монастырь

«Оте священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим»
Тропарь, глас 4
Публикуется впервые

*Святитель Николай. Доска, оклад, 26x43 см
Раифский Богородицкий мужской монастырь*

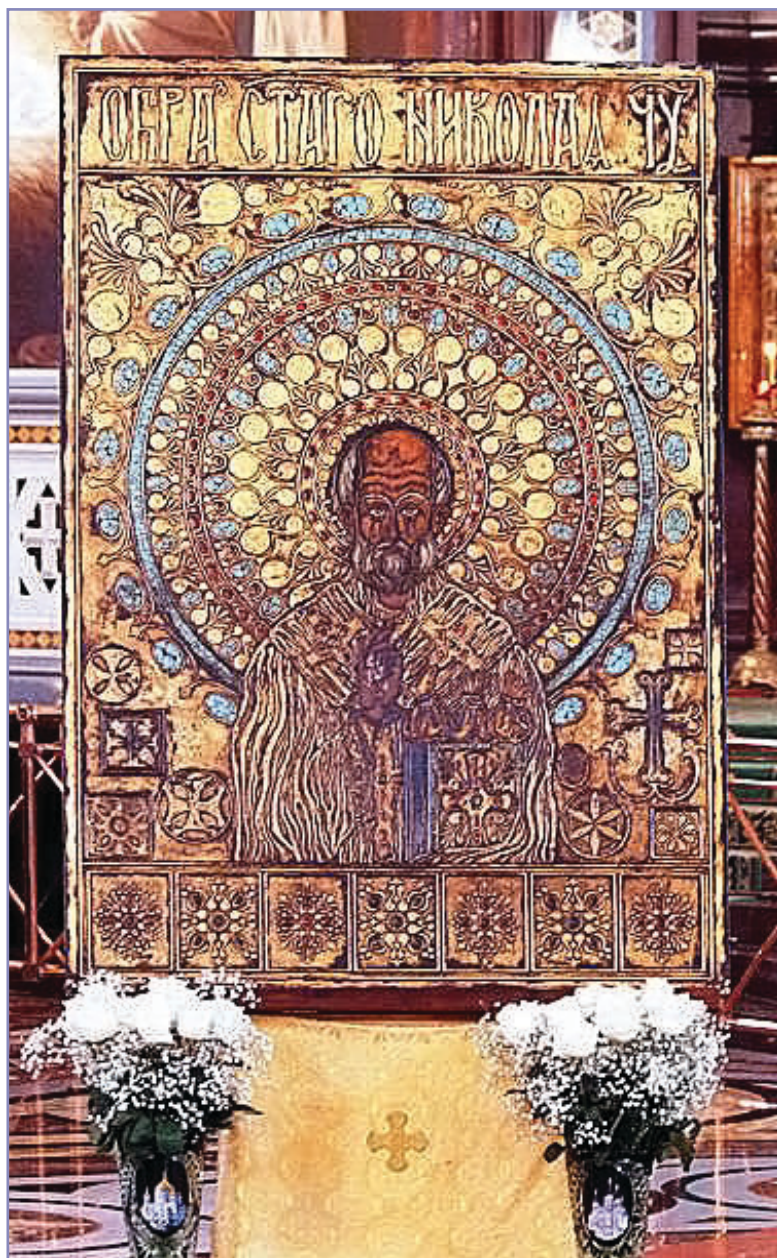

*Святитель Николай, 25x31 см, XVIII-XIX вв.
Раифский Богородицкий мужской монастырь*

*«Отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим»
Тропарь, глас 4
Публикуется впервые*

Главное сокровище Барийской Базилики —
моги Св. Николая Чудотворца
Бари. Италия

Святитель Николай, Чудотворец
Храм Христа Спасителя. Москва

*«Отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим»
Тропарь, глас 4
Публикуется впервые*

тельского сана и ввергнут в темницу. Там ему явились Спаситель и Пресвятая Богородица, которые вручили Евангелие и омофор святителю. Тем самым было явлено чудо: не толерантность и терпимость, но бдительность и пылкая преданность вероучению, которое проявил святитель, заслужили небесное одобрение. Другим пастырям и христианам было дано увидеть, что сам Христос и Пречистая Дева возвращают святительские инсигнии тому, кто заступился за Церковь и претерпел бесчестие от земных и церковных владык. «Никейское чудо» стало одним из любимейших элементов иконографии святителя в русском искусстве и сопровождает, наверное, большую часть его икон. Однако были возможны варианты и исключительно портретного характера как на другой иконе, где святитель Николай представлен в рост, без «Никейского чуда». Он благословляет молящегося, держит Евангелие на непокровенной руке, сходны формы и цвет облачений – красная фелонь, белый омофор, синий подризник. Обе иконы со святителем в рост написаны в стиле академической живописи, с узнаваемой передачей пластики фигуры, лица, рук, складок одеяний, подсветки фона, поскольку в данном случае он уже не золотой. Обе иконы ныне размещены на стенах храма и на столпах в богатых резных и позолоченных киотах.

К примерам академического искусства, в традициях, напоминающих реалистический или исторический портрет, выполнена и единственная житийная икона святителя Николая Мирликийского в Раифском монастыре. Это большая икона, покрытая по полям, фону и среднику металлической ризой (скорее всего, медной), над главой святого – металлический, видимо, латунный венец с удлиненными лучами. Средник выделен отдельной рамкой, внутрь которой вписан геометризированный орнамент в том стиле, который был излюблен в иконописании неорусского стиля второй половины XIX-начала XX вв.; такого же рода орнамент взят для отделки внешней поля иконы, вокруг житийных клейм. Клейм вокруг средника шестнадцать, они представляют историю жития и деяний святого от его рождения до успения. Житийный цикл включает традиционные для никольской иконографии сцены детских чудес святого – стояние в купели, исцеление сухорукой жены, приведение во учение. Вместе со сценой рождества эти три композиции, рассказывающие о чудесных проявлениях в жизни маленького Николая, были призваны показать молящемуся, что святой с самого рождения был избранным «сосудом Божиим» и благодать его уже тогда щедро изливалась на людей. Вошли в число избранных композиций и несколько сцен с чудом о

спасении трех воевод от казни, явлением царю Константину, чудо о ковре и спасение Василия, «агрикова» (крестьянского) сына, т.е. самые древние деяния, составившие основу житийного цикла святого. В среднике святой изображен по пояс, правой он благословляет, в левой держит раскрытое Евангелие, по сторонам лика в углах средника, как в изгибах арки помещены два овальных медальона с «Никейским чудом». Риза покрывает все детали иконы, за исключением ликов и рук. Икона написана также в академических традициях. Судя по живописному исполнению лика святителя икона очень близка к одному из самых значимых образов святителя Николая Чудотворца в Казани — иконы святителя Николая с «Никейским чудом» из Николо-Гостинодворской церкви. Сама церковь и ее икона почитаются как святыни, связанные с именем казанского митрополита и патриарха-страстотерпца Ермогена, который до того как стать архипастырем России и Казани служил именно в этой церкви, расположенной в гостином (купеческом) дворе на казанском посаде. Церковь была полностью перестроена в 1870 году, вероятно, тогда же обновили и живопись на храмовой иконе. Икона сохранилась до сих пор, она находится и почитается в нижнем храме (с престолом во имя Сретения Господня) кафедрального Петропавловского собора Казани. Житийная икона свя-

того, хранящаяся в Раифе, была создана в хорошей мастерской, искусным рисунком и пластичностью выделяется не только сама живопись, но и исполнение деталей металлического оклада. Архитектура, бытовые детали в сценах рождения и успения, ландшафты, драпировки проработаны уверенной рукой, имеют четкую пространственную градацию от выпуклых рельефных форм на переднем плане к уплощенным и потому — более удаленным.

Довольно часто икона представляет собой лишь портрет самого святого. При всей каноничности изображений одна икона оказывается не похожа на другую. И это связано не только с различиями в размерах или цветовом решении. В Новое время под влиянием европейской культуры, образования и духовных церковных связей в официальной иконописи изображение святого приобретает портретные черты, уподобляются светским портретам. В некоторых случаях фигура седовласого старца мастер придает чуть более сутулости, подчеркивая возраст. Тонкие черты лика сочетаются с внимательным взглядом, обращенным к молящемуся, благодаря чему создается эффект живого присутствия. Иногда святой изображен почти в ракурсе, обернувшись в сторону как на раифской иконе Николы Чудотворца под металлической ризой, обрамленной кружевной фольгой. Этот разворот как будто

«Отец священноначальнике Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим»
Тропарь, глас 4

Публикуется впервые

сохраняет память о деисусных композициях Средневековья, в которых святые оказывались соборными вокруг Спасителя. Накладные детали — венец с лучами «света», риза, омофор, настоящий наперсный крест — создают объемное, почти скульптурное убранство образа, усиливая его живоподобие, материальную достоверность.

Особенно часто такой образ можно встретить на иконе малого размера, который традиционно был свойственен личным иконам и измерялся ладонью, что повлияло на его наименование «пядница». Подобные иконы иногда со временем, иногда сразу получали оклад. Необязательно он был дорогим и искусным, но как правило его изготовитель стремился приблизиться к такому, как на иконе с поясным образом Чудотворца, который благословляет правой рукой, поднимая ее перед грудью, а левую, не отягощенную книгой, прижимает к груди. Подобно дорогим иконам вся поверхность маленькой «пядницы» покрыта самым прозаическим металлическим окладом, единственным изобразительным средством на котором являются следы простого чекана, а дополнительные украшения имеют не очень правдоподобный облик листьев или иных растительных элементов, наложенных поверх ризы.

Однако помимо академической традиции, влиявшей на иконы самых доступных, расхожих «писем», в старообрядческой

среде сохранялись средневековые принципы. Кратко их можно охарактеризовать как приверженность тонкой, графической манере изображения, подчеркнутой декоративности, избегающей любых намеков на светотеневую, пластическую моделировку, натурализм или реалистическую скульптурность. Именно такие иконы получали тончайшее орнаментальное исполнение. Не только поля, делавшиеся декоративными «под оклад», не только фон, медальоны с «Никейским чудом», но и все одежды святителя — традиционная крещатая фелонь, подризник, омофор, кодекс Евангелия — украшались затейливыми, иногда чрезвычайно выразительными, эффектными, иногда еле заметными узорами. Контрастное сопоставление красок — красный цвет фелони, синий с переливами в исполнении подризника, зеленый цвет омофора — восполняют упрощенный стиль личного, создают праздничный, запоминающийся, торжественный образ, столь необходимый для любимейшего святого.

Именно на примере икон Николая Чудотворца можно проиллюстрировать связующую силу христианского благочестия, которая способна соединять самые отдаленные места и создавать новые союзы, полные таинственной и привлекательной силы. В Раифе находится и почитается икона святителя, очень необычная не только для всей

иконографии Николы Чудотворца. Она полностью повторяет икону, написанную итальянскими мастерами в середине 1990-х годов для базилики в Бари, у самой главной святыни — мощей святителя, перенесенных в 1097 году из полузапустевших Мир Ликийских.

Ее необычный для православной иконографии облик заключает, тем не менее, много свойств, ценимых и на христианском Востоке. Полуфигура святого, черты его лика и одеяний исполнены объемно, рельефно, благодаря чему создается эффект жизненности, телесности фигуры. Личному письму свойственна некоторая затемненность, из-за «черневого» характера морщин, как если бы переплетение линий создавало впечатление древности, старины образа. При этом в целом икона поражает сияющим, ярким характером, поскольку весь фон ее напоминает золотой оклад, а в оформлении окружающего нимб сияния — «света» использован редкий прием — инкрустация полудрагоценными камнями, бирюзой. Сочетание золотого, ярко-голубого и коричнево-красного формирует полный световой силы художественный образ. Крупные узоры в виде «глаголей» в сиянии «свет», в виде заключенных в круги равноконечных крестов различного рисунка, сами буквы, необычайно большие и витиеватые по рисунку, хотя и не претендующие на замыс-

ловатость средневековой вязи, усиливают пластическое воздействие изображения, удостоверяющее присутствие святителя. Созданная для базилики в Бари икона была передана в московский храм Христа Спасителя, ее пронесли через Одессу вплоть до столицы России. По свидетельствам очевидцев этого хода, через нее как и в прежние времена через другие образы были явлены чудотворения. Свет этого удивительного барийского образа дошел и до Раифы, где подобная во всем икона-список заняла достойное место. Ее нарядность, праздничность и украшенность в сочетании со строгим, древним изображением святого показывают возможности художников наших современников творить во славу Божию столь же искусно и не менее многообещающе, чем их предшественники, мастера классической и средневековой культуры (см. фото рубрики — ред.)

Можно надеяться, что вместе с этой иконой святого Николая, близкой и Западу и Востоку, и Италии и России, начинается новое приращение святыни, среди которой благоденствия христианскому человечеству святителя и чудотворца Николая Мирликийского всегда занимали особое место.

«Отец священноначальнике Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим»
Тропарь, глас 4

Публикуется впервые

Сосед спросил Ходжу Насреддина:

**— Ходжа, я слышал, что всем на свете управляет
Случай. А ты как думаешь?**

— Думаю, что это верно.

**— Но ведь нас с детства учат, что все происходит
по воле Всемогущего!..**

**— И это верно, — невозмутимо кивнул
Насреддин.**

— Тогда ты противоречишь сам себе!

**— Нисколько! — возразил Ходжа. — Просто
Всемогущий управляет Случаем, а Случай —
всем остальным...**

Притчи о Ходже Насреддине

**«В полу бросается жребий, но все решение его
— от Господа».**

**Книга Притчей Соломоновых,
глава 16, стих 33.**

*Раурский
Церковный
Собор*

**Екатерина
Петровна
Ключевская**

кандидат искусствоведения

Кресты Раифы – хранители православного предания

**«Кресту Твоему
поклоняемся,
Владыко, и святое
Воскресение Твое
славим»**

**из кондака праздника
Воздвижения
Креста Господня**

Возникновение крестовидной геральдики простого пересечения вертикали и горизонтали уходит в глубь времен, в эпохи палеолита и неолита, становясь в веках в различных мифопоэтических и религиозных традициях универсальным сакральным символом единства жизни и смерти.

Богословское, историческое, археологическое, искусствоведческое, филологическое толкование креста составляют предмет ставрографии, науки о кресте. Типологической, иконографической и символической интерпретации креста, его семантике, посвящена обширнейшая литература, в том числе и казанских архипастырей (1).

Крест — главнейший символ христианства. На Кресте Господь принес Себя в искупительную жертву и утвердил церковь, сделав его знамением и орудием спасения: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16,24).

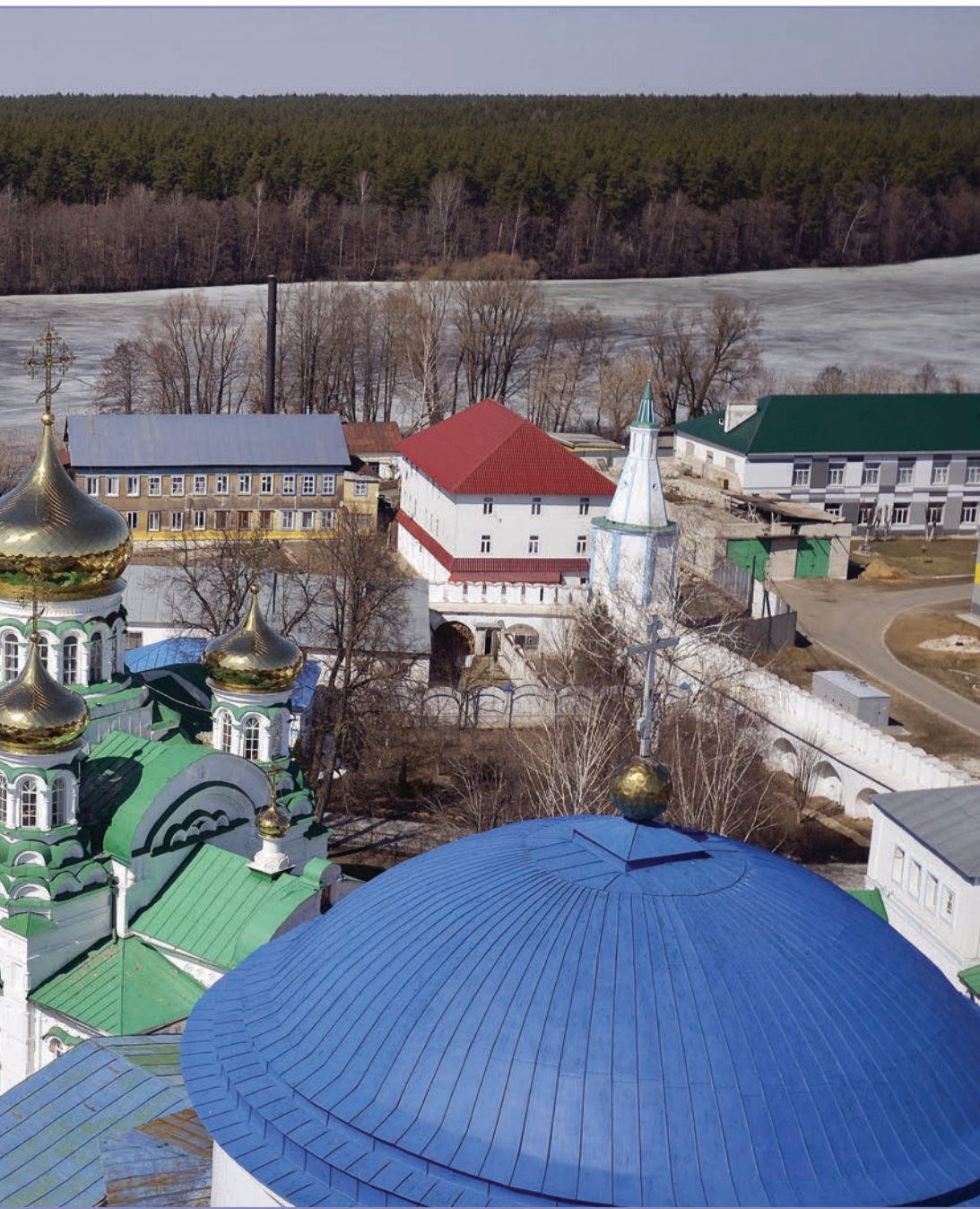
Почитание Креста было утверждено догматически Правилем 73 Шестого Вселенского Собора: «Поелику Животворящий Крест явил нам спасение, то подобает нам всякое тщание употреблять, да будет воздаваема подобающая честь тому, чрез что мы спасены от древнего грехопадения. Посему и мыслию, и словом, и чувством поклонение ему принося, повелеваем: изображения Креста, начертываемые некоторыми на земле, совсем изглаждати, дабы знамение победы нашей не было оскорбляемо попираaniem ходящих». Даже в эпоху иконоборчества в Византии Крест оставался глубоко чтимой святыней. Христианское мировоззрение позволяет видеть крест в устройении самой вселенной, отдельные исследователи находят крестообразным даже время.

Свыше десяти столетий Россия живет под знаком Креста: человек принимает его в младенчестве в момент крещения, он же провожает его в момент кончины, осеняя и место последнего земного упокоения. Три раза в году Русская Православная Церковь воздает особые почести Кресту Господню: в Крестопоклонную

неделю, в дни Воздвижения и Происхождения Честных древ Креста. Образ Креста Господня церковь почитает как лучшее для себя «украшение и ограждение от козней вражьих», одинаково допуская четырехконечную, шестиконечную и восьмиконечную форму креста. Этот жизнеутверждающий символ воплощен во множестве форм: явленных и чудотворных, поклонных, обетных, поминальных, закладных и фасадных, воздвизальных, на престольных, наперсных, на тельных Крестов, не говоря о самом храме, в плане постройки которого нередко лежит крест, а главы его венчают надглавные Кресты. В интерьере любого храма Крест присутствует повсюду — от престола и иконостаса, настенных росписей и икон до священнических облачений. Образ Креста отразился во множестве понятий и терминов в русском языке, часть которых приведена в «Полном церковно-славянском словаре» Г. Дьяченко. Среди них как общеупотребляемые донныне, так и менее известные: «крестуемый» — распинаемый на кресте; «крестное целование» — присяга, завершаемая лобызанием св. Креста; «крестное знамение» — крестообразное осенение себя правой рукой; «крестный ход» — торжественное шествие из храма священнослужителей и сопровождающего народа, во главе которого предносятся св. Кресты, иконы и св. Евангелие; «крестобогородичен» — стих, тропарь, в котором упоминается о честном

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

*«Явление света Лица Господня и есть явление Креста,
то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»*

Кресты над Раифой. Фото Дмитрия Севрюгина

Кресте и о Пресвятой Богородице (поется или читается в церкви в среду и пятницу); «крестовая палата» — домовая церковь; «крестоводружение» — поставление Креста при заложении новой церкви, то же — «ставропигия»; «крестовоскресен» — стих, имеющий содержанием распятие Христово и воскресение; «крестовые попы» — в старину безместные священники, которые нанимались «править кресты», т.е. совершать в домах церковную службу; «крестоносица» — та, которая защиту и надежду в Кресте полагает; «крестоносно» — нося крест; «крестообразно» — напоподобие креста; «кресчатые ризы» — политаврион, отличие, которое архиепископам давал патриарх или митрополит (2).

Тут и там проглядывающие в панораме городских и сельских пейзажей, а также сохраняемые в музейных собраниях и частных коллекциях, Кресты сегодня все чаще становятся предметом как научных, так и популярных публикаций, альбомов и каталогов.

Пройдя под массивной аркой надвратной колокольни и ступив на территорию Раифского монастыря, попадаешь в совершенно особое, глубоко отличное от мирского, пространство. Куда бы ни направил свой взор, повсюду видишь спасительную красоту Креста, будь то тяжелые створы монастырских ворот, завершая башен старинной ограды, большие и малые надглавники мона-

стырских храмов, кованое кружево крылец, кирпичное узорочье фасадов Троицкого собора, монастырский погост, либо, наконец, солнечные часы на монастырской площади, не говоря о празднике Крещения Господня, когда у стен монастыря на озере вырастает искрящееся ледяное хрустальное чудо Крестов у «Иордани», или во время Крестного хода, когда воздвизальные Кресты во главе процессии осеняют пространство вокруг... Кажется, ни в одном из монастырей нашей епархии Крест не напоминает о себе так явственно, настойчиво и красноречиво в разнообразии присущих ему форм и типов, как в Раифе.

Тяжелые створы монастырских ворот осеняет монументальный в своей лаконичности восьмиконечный накладной крест. Он наиболее полно и ясно раскрывает духовное значение всех крестных концов и перекладин — именно такая форма, по мнению исследователей церковной археологии, наиболее соответствует кресту, на котором распяли Христа. Вертикаль креста указывает на божественную сущность Спасителя, а средняя длинная горизонталь на Его человеческую природу. Верхняя малая перекладка — воспоминание о титле или дощечке с надписью «Иисус Назорей, Царь Иудейский», ее по приказу Понтия Пилата прибили над головой Распятого. Косая нижняя перекладка, не только подножие, но и символическое указание двух

возможных для человека путей, верхний конец которого — путь в Царствие Небесное, тогда как нижний — в ад. Догматически восемь концов креста означают основные периоды в истории человечества, где восьмой, последний — жизнь будущего века. Число восемь тесно связано также с земной жизнью Христа — Его Воскресение совершилось после субботы, т.е. седьмого дня.

По словам преподобного Феодора Студита, «крест есть примиритель и посредник между небом и землей». Многозначность символа, воплощенного в кресте, весьма разнообразно толкуемая Святыми отцами, исключает какое-либо однозначное прочтение: и по сей день множество авторов не оставляют попыток проникнуть в духовную и эмоциональную глубину сокрытую в нем: «Вертикаль зовет человека вверх, к Богу; не случайно здесь прослушивается слово «верь». Вертикаль как бы отрывает грешного человека от тленной земли, вознося к небу — к Имени Самого Бога. А большая нижняя горизонталь, перечеркнувшая путь в небо, зримо показывает: путь в Царство Небесное пролегает через Суд Божий. Большая

перекладина и является символом неких весов, взвешивающих грехи и добродетели человека. И если человек заслуживает наказания, то по этой же вертикали он свертывается вниз. Косая перекладина

• Но самое величественное сооружение в монастыре - несомненно, надвратная колокольня (1889 - 1903 гг.), такая же белоснежная, как и весь ансамбль, только превосходящая по высоте любые другие его постройки примерно вдвое. «Раифская свеча» или «раифский маяк» - прозвали ее. Она - первое, что виднеется сквозь заросли, когда подходишь или подъезжаешь к монастырю. Поистине незабываемое зрелище! Один ее крест, кажущийся снизу крошечным, в действительности имеет 7 метров высоты. Когда его снес ураган 1999 года (по благому Божьему промыслу, никто тогда не пострадал, хотя асфальт был сильно промят в месте падения), заново его устанавливали с помощью вертолета: этот необычный сюжет даже показали в свое время по телевидению.

**А.В. Роцектаев,
Путеводитель... Часть 4:
Монастыри вне Казани**

... показывает то же: или вверх (если с Богом) — в рай, или вниз (если против Бога) — в преисподнюю. Многозначность символа допускает еще одно толкование перекладин: верхняя малая — символическая граница земли и неба; большая нижняя — граница земли и подземного мира; косая

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

— Сошествие Спасителя во ад и изведение оттуда ветхозаветных праведников» (3).

Золотое сияние куполов и надглавных крестов Троицкого собора — визуальная доминанта всего монастырского комплекса и самоценное, символическое завершение храма. Кажется, никто не высказался с большей проникновенностью о смысле и содержании золотого «горения» к небесам «луковичного» многоглавия русских храмов, чем это сделал ровно сто лет назад замечательный русский философ князь Евгений Трубецкой: «В этом всеобщем стремлении ко кресту все ищет пламени, все подража-

в России» (4). Неслучайно, что «искания собственного своего духовного облика» обострились в годину Великой войны (так называли современники Первую мировую), и ассоциировалось у Трубецкого, и не только у него, с православием. Увенчание куполов храма Крестами имеет глубокий смысл, символизируя власть и державность. Пышный декоративный стиль ажурных восьми-конечных надглавников расцвел в эпоху барокко в центральной России. Высокие, многодельные, с изощренной орнаментальной разработкой частей, кресты такого типа явились результатом многовекового развития форм, эволюционирующих от четырех-

• 1999 год. Сильная буря, повредившая крыши и кресты на храмах и на колокольне монастыря.

Из летописи Раифского монастыря

ет его форме, все заостряется в постепенном восхождении. Но только достигнув точки действительного соприкосновения двух миров, у подножия креста, это огненное искание вспыхивает ярким пламенем — приобщается к золоту небес... В этой огненной вспышке весь смысл существования «святой Руси» В горении церковных глав она находит яркое изображение собственного своего духовного облика: это как бы прославление того образа Божия, который должен изобразиться

конечного византийского надглавного креста до неисчислимых декоративных вариантов в прошлом, и ныне, после многих десятилетий воинствующего атеизма, возрождаемых вновь. На раифских Крестах

каркасные стойка и перекрестия заполнены сквозным орнаментом, зримо символизируя образ райского древа. Крестные «ветви» надглавников имеют трисоставные орнаментальные завершения — трисоставный крест традиционный излюбленный русскими мастерами прием, в котором наглядно воплощен символ Живоначальной Троицы: Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Верхним концом крест указывает на Отца, пребывающего на небе, нижним концом — на Сына, со-

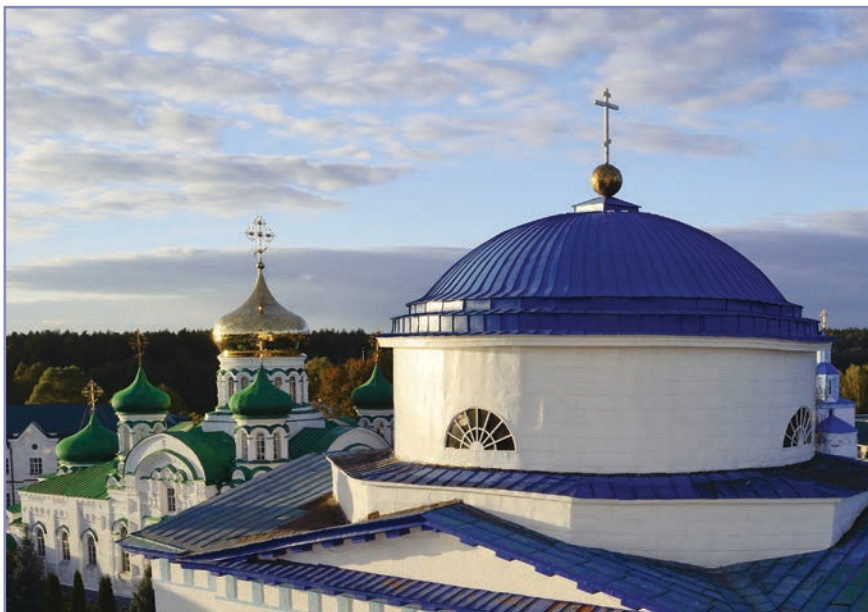
Фрагмент
крепления креста

Купол
Троицкого собора

шедшего на землю и даже в ад, широтой и долготой (средними концами) — на Духа Святого везде сущего и все исполняющего. Орнаментальные мотивы трилистных завершений концов надглавных крестов, олицетворяя слова канона: «Крест трисоставной (...) Троицы бо носит триипостасный образ», поистине неисчерпаемы — кованые сердечки, листья, диковинные цветы, изощренные орнаментальные мотивы ажурных сквозных узоров, «вписанные» в треугольники, как на Крестах

раифского Троицкого собора, свидетельствуют о безграничной творческой фантазии мастеров в воплощении символа Святой Троицы. Мотив светоносности, исхождения от креста «света жизни» обозначен четырьмя прямыми лучами, исходящими из средокрестия. На очевидном для христианина явлении света Лица Господня и Креста специально останавливается В.С. Кутковой, апеллируя как к древним, так и к авторам нового времени, в частности к о. Павлу Флоренскому:

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

Маковка Грузинского собора. Раифа.. Фото Дмитрия Севрюгина

«Явление света Лица, или знамение света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его» (5). Количество лучей, исходящих из средокрестья может быть кратно либо четырем (четырем сторонам света и четырем евангелистам), как в Крестах Троицкого собора, либо двенадцати (воплощая более сложную символику), как в Кресте венчающем Западную башню монастырской ограды, где мотив светоносности акцентирован массивным диском на средокрестии.

И даже цепи-растяжки, удерживающие и фиксирующие положение надкупольных Крестов символичны. Унизывающие их выпуклости-шарики символизируют капли крови Христовой, про-

литой им на Кресте, подчеркивая одновременно и смысл искупительной жертвы Христа, и образ Креста-жертвенника, на котором жертва свершилась.

Архитектура Троицкого собора, возведенного в формах эклектики «русско-византийского» направления, его план и фасады, также проникнуты темой Креста. Крест, вписанный в круг, украшает ризалиты лучковых арок, венчающих южный и северный фасады. Форма подобного фасадного креста восходит к наследию новгородско-псковской архитектурной традиции XIV-XV вв., активно осваиваемой зодчеством начала XX века, в том числе и епархиальным архитектором Ф.Н. Малиновским, которому приписывается авторство Тро-

*Крест - в узорной кладке
Троицкого собора*

ицкого собора. В узорной кладке угловых пилонов храма форма равноконечного «греческого» креста повторена троекратно, но каждый раз по-новому благодаря вариациям «утопленной» и «выступающей» кладке кирпича.

Впечатляющим контрастом золоченому многоглавию и декоративному кирпичному узорчю Троицкого собора является строгая лапидарность архитектурного образа рядом расположенной одноглавой Грузинско-Богородицкой церкви, построенной по проекту архитектора М.П. Коринфского в стиле позднего классицизма. В соответствии с этим стилем полусферический «византийский» купол церкви по сложившейся в XIX веке традиции

*Ажурные кованые кресты -
достопримечательность монастыря*

венчает монолитный, лишенный деталей восьмиконечный крест.

Такие же лапидарные восьмиконечники венчают главки Софийской церкви и часовни над источником. Исторически надглавные восьмиконечные кресты стали водружать на храмах лишь с XVI века после постановления Стоглавого собора.

«Сияет яко звезда на небеси» надглавный крест старейшей монастырской церкви во имя Св. Отцов в Раифе и Синае избивенных. Многозначный символ духовной мудрости и чистоты — звезда венчает оконечности исходящего из средокрестия лучевого сияния, усеивает концы ветвей креста и его подножия, превращая крест

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

Крест на западной башне

Поминальный крест

в сверкающий образ света: «Яко пресветла звезда и яко бисер благолепен, и просиянное солнце, вся озаряет земли концы, Крест Господень», — поется в каноне.

Четырехконечный удлинённый так называемый «корсунский» крест осеняет кровлю входных крылец монастырских храмов. При кажущейся простоте его начертания, он несет большую семантическую нагрузку, выражая христианскую идею восстановления и преображения вселенной в противоположность неустроенности и хаосу. На многочисленных надвратных сенях Раифы этот простой образ Креста представлен во множестве вариантов — сквозные каркасные, с живописным изображением Распятия, с четырехлучевым

сиянием из средокрестья, вписанные в круг, с «процветшими» заостренными концами в форме цветочных бутонов, в кружеве стеблей виноградных «усиков» и цветущих трилистников в форме лилии, символа чистоты (по мнению исследователей эта троичная форма кривого — одна из древнейших), — двух одинаковых не найти. Вписанностью в круг, символизирующий небесную сферу, вечность, подчеркивается космологический аспект креста как «хранителя всей вселенной, ее утверждение. А обвивающая крест виноградная лоза с гроздьями ягод — символ Живого Христа: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15,1). Эти слова Спасителя положили основание символизму трактовки вино-

градной лозы и ее изображения в христианстве, в частности символической связи виноградной лозы с Таинством Причащения. Объединенные вместе символы виноградной лозы и креста напоминают о том, что при совершении Таинства Евхаристии хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы, а причастившийся человек соединяется с Христом, делаясь участником вечной жизни. На пороге храмов Раифы кованное кружево надвратных сеней напоминает нам об этом. Рисунок как самих крестов, так и ветвей виноградных лоз и цветущих стеблей изобретательно прихотлив и неповторяем, подчеркивая тем самым глубину образа, в том числе и «живоносного сада», «сада небесного» — символа рая и древа жизни в нем. И образ этот — райского сада — сам собой переносится на весь монастырь, укрытый со всех сторон древним реликтовым сосновым лесом Раифского заповедника.

Глубоко укоренен в православной традиции и образ ангела с крестом, венчающий северную и юго-западную башни-молельни монастырской ограды. Ангелы в иерархии Сил Небесных характеризуются непосредственной близостью к миру и человеку, в отличие от Херуви-

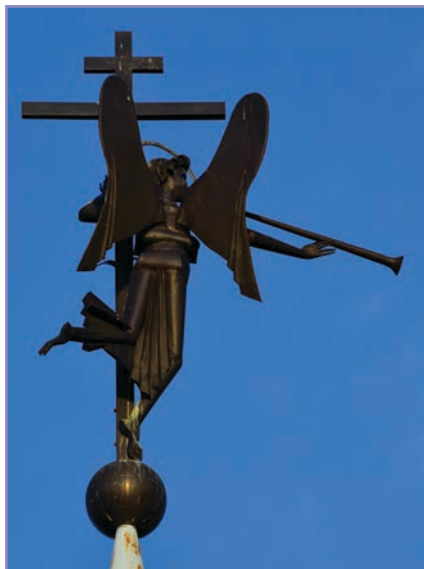
мов, Серафимов и Престолов. В канонических текстах — Кресту «служат чинов ангельстии, и со страхом предстоят», Крест «ангелов слава и демонов язва». Господь посылает ангела в каждый вновь выстроенный и освященный храм для служения при Святом Престоле в алтаре. По народным верованиям, на каждом церковном кресте невидимо присутствует ангел, передающий молитвы творимые в храме к престолу Всевышнего. Ангел-хранитель сопровождает душу каждого христианина на протяжении всей его земной жизни — от рождения

• **Наместник Раифского монастыря архимандрит Всеволод, рассказывает, как он, молодой монах, с двумя послушниками пришел в заброшенную и разрушенную обитель, возрождение которой могло бы быть только чудом. Такое чудо совершилось. И первыми, кто помог монахам, стали местные мусульмане. А главным благодетелем обители отец Всеволод называет Президента Шаймиева, который начал с того, что пожертвовал средства на пять крестов для главного в монастыре храма — Троицкого.**

Из летописи Раифского монастыря

до смерти. Изображение ангела, несущего Крест подобно знамени, как на навершии северной башни монастырской ограды, нередко встречается на куполах церквей. Трубящий ангел с Крестом на юго-западной башне — зримое воплощение несомой

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

Раифский вестник

ими вести (ангел в переводе с греческого — «вестник»). Образ этот как нельзя кстати на башне монастырской ограды — являясь слугой Божиим, возвещать людям

• 2014 год. Благодаря стараниям Чебоксарского общества «ПЛАЗМОТЕХ» и финансовой поддержке Банка «Зенит» на обновленные купола Троицкого собора и установлены новые кресты.

Из летописи Раифского монастыря

волю Божию и стоять на охране и защите обители.

На месте старого монастырского погоста, разрушенного и поруганного в советские годы, как и весь монастырь, ныне вновь появились кресты — на-

могильные, поминальные. «Крест над могилою православного христианина, — говорится в «Настольной книге священнослужителя», — молчаливый проповедник блаженного бессмертия и воскресения; водруженный в землю и возвышающийся к небу, он знаменует веру христиан в то, что тело умершего находится здесь, в земле, а душа — на небе, что под крестом сокрыто семя, которое произрастет для жизни вечной в Царстве Божьем» (6). Элегические ноты звучат в описании старого монастырского кладбища архимандрита Даниила (Сивиллова) из его «Путешествия в Раифскую пустынь в Казанской епархии. 1830 год»: «Судя по

местоположению, нельзя было избрать другого участка земли в монастыре, лучшего для покоения в недрах земли усопших, как настоящее, на котором теперь ос-

новано сие кладбище. На столь ближайшем расстоянии пространства земли, занимаемого им между двумя церквями, нельзя не заметить пролегающего резкою чертой рубежа смерти и жизни, и в то же время не пробудиться мыслью, известной

из следующего изречения: «помни последняя твоя, и во веки не согрешишь». Посему это место двояко может быть полезно для живых и для мертвых. В отношении к первым оно может быть полезно потому, что заставляет их смириться памятью о смер-

ти, а в отношении к последним оно полезно тем, что подает им отраду от живых, которые здесь ежедневно оглашают священными песнями бранные их останки, отраду их душам по закону веры... По заповеди Творца природы: «Земля еси и в землю отыдеша» (7). Каковы были кресты на могилах упокоенной здесь с давних времен монастырской братии, мы, по-видимому, теперь уже никогда не узнаем... Сегодня здесь собраны остатки старых надгробных плит, найденные при реставрации монастыря, начавшейся в 1991 году, в том числе и плита с могилы М. Атлашкина, на средства которого была возведена пятирусская колокольня с храмом во имя Святого архистратига Михаила, а также установлен белокаменный памятный крест с надписью, традиционный по форме средневековых каменных поклонных и поминальных крестов, появившихся на Руси уже в XI веке.

Различные по форме и типологии Кресты сакрального монастырского пространства Раифы – надглавные, фасадные, надвратные, памятные, хотя и выполненные из новых материалов и по новым технологиям, но все так же, как и ранее, из века в век, несут все ту же функцию – передачи православного предания, являя по слову преподобного Иоанна Дамаскина «лежащих восстание, стоящих опору, немощных посох, пасомых жезл, возвращающихся руководство,

преуспевающих приведение к совершенству, души и тела спасение, отклонения от всяких зол, всяких благ виновник, греха истребление, растение Воскресения, древо жизни вечной» (8).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гавриил (Зырянов). Мысли при виде креста. По творениям св. Тихона Задонского. – Раифский альманах. 2013 № 3. С. 40-41; Архиепископ Казанский и Марийский Михаил (Воскресенский). Проповеди. В неделю Крестопоклонную – Журнал Московской патриархии. 1972. № 4. С 35; 1977. № 3 С. 28.
2. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Сост. священник, магистр Григорий Дьяченко. – М., 1898. С. 269-271
3. Кутковой В.С. Краски мудрости. – М. «Паломник». 2008. С.157
4. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в ее иконе. – М. ИнфоАрт. 1991. С. 7-8.
5. Кутковой В.С. Краски мудрости. С. 129
6. Цит по: Кутковой В.С. Краски мудрости. С.138
7. Архимандрит Даниил (Сивиллов). Путешествие в Раифскую пустынь в Казанской епархии. 1830 год. – Раифский альманах. 2011. № 1. С. 50-51
8. Цит по: Крест в России. Авт.-сост. В.С. Гнутова - М. «Даниловский благовестник». 2006. С.14

«Явление света Лица, или знаменование света Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня или явление Славы Его»

Некто, имея сад, засаженный аллеями смоковниц, яблонь и гранатовых деревьев, сдал его арендатору. Придя туда через некоторое время, он нашел сад совершенно запущенным, заросшим терновником.

Позвал он людей, чтобы вырубить терновник, но в это время среди колючих зарослей заметил пышно цветущую розу, издающую упоительное благоухание. И сказал он:

— Ради одной этой розы я готов оставить все в саду нетронутым.

Еврейская притча

«Есть и ныне, по благодати Божией, много людей добродетельных, которые, как праотец (Лот в Содоме), могут умиловать Господа. Ныне, по неизреченному человеколюбию Божию, умножились дела благочестия и в городах найдется немало людей, могущих умиловать Бога; другие же скрываются в горах и пещерах. И добродетель этих людей, хотя бы и не многих, может покрыть грехи многих, потому что велика благодать Господа и Он часто ради немногих праведных благоволит даровать спасение многим. Но что я говорю — ради немногих праведных? Часто, когда не находит ни одного праведника в настоящей жизни, Он умиляется над живущими ради добродетели умерших и возглашает так: «защищу град сей Мене ради и Давида ради раба Моего» (4 Книга Царств, глава 19, стих 34)... Таким образом, этот муж, за столько лет преставившийся из этой жизни, делается виновником спасения для людей, погибавших от собственной беспечности».

Святитель Иоанн Златоуст

Раифский
Альманах

**Борис
Михайлович
Куницын**
историк-краевед

Из истории библиотеки Казанской духовной академии

В 1921 году была закрыта Казанская духовная академия, и большое количество книг из ее богатой библиотеки оказалось в книжном хранилище Казанского федерального университета. Некоторые из томов разными путями попали и в библиотеку древних книг Раифского монастыря... Казанская духовная академия в своем составе имела гениальных ученых. Имена которых мало-известны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской. Но остались труды-исследования историка-краеведа **Бориса Михайловича Куницына**, который, работая с документами НА РТ, донес до нас много интересных фактов из жизни ученых Казанской духовной академии, об истории ее знаменитой библиотеки...

**Святейшим Синодом
было отдано
распоряжение
Казанской духовной
семинарии (КДС), а
также Московской и
Санкт-Петербургской
академиям выделить
из дублетов их
библиотек книги
в распоряжение
Казанской духовной
академии...**

Становление библиотеки Казанской духовной академии (КДА) проходило в очень непростых условиях. По высочайшему

указу она должна была открыться осенью 1842 года. Но случившийся летом того же года ужасный пожар в Казани уничтожил большое количество зданий, в том числе подготовленное для предполагаемой аренды будущей академии. Первые, самые трудные шесть лет у нее не было своего помещения и занятия проходили в Спасо-Преображенском монастыре, даже в архиерейском доме, в арендуемом просторном доме купчих Мельниковых на ул. Проломной (впоследствии — гостиница «Казань»). Только в 1848 году академия, наконец, обрела свое постоянное пристанище в специально построенном для нее здании на Арском поле по проекту известного архитектора А. И. Песке. В отведенной для нее усадьбе, кроме главного корпуса, находились также парк и сад, хозяйственные строения, позднее были выстроены два флигеля, в одном из которых и располагалась библиотека. Всей этой собственностью академия владела до 1917 года.

При своем рождении КДА, в отличие от других духовно-учебных заведений, не получила практически никакого «приданого», в том числе и книжного. Святейшим Синодом было отдано распоряжение Казанской духовной семинарии (КДС), а также Московской и Санкт-Петербургской академиям выделить из дублетов их библиотек книги в распоряжение КДА. Речь шла о самых насущных учебни-

ках и учебных пособиях, а пока что преподавателям академии было предложено пользоваться книгами КДС. Но это распоряжение оказалось нелегко выполнимым, хотя семинарскую библиотеку и удалось, к счастью, спасти во время пожара 1842 года, но книги оставались неразобранными и трудно было отыскать нужную и дублеты.

К концу первого учебного года в академии было всего 74 книги. В 1844 году из Санкт-Петербургской академии поступило 270 наименований книг, а из Московской и Киевской академий — по 128 наименований. Большею частью это были творения святых отцов, средневековые богословские сочинения, древние классики, разнородные учебники. Среди книг были сочинения Эразма Роттердамского, Лютера, толкования Священного писания, русские издания Новикова, Щербатова, Карамзина. К концу 1844 года библиотеку академии, насчитывающую около 900 названий в 1 800 томах, можно было считать более или менее сформированной.

По уставу 1814 года на покупку книг отпускалась весьма скудная сумма 572 руб. и 72 руб. на покупку периодических изданий. К тому же, из этих средств необходимо было покупать и физические инструменты и пособия. Ясно, что при таких ассигнованиях академическая библиотека не скоро могла бы наполниться

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Здание Казанской духовной академии. Дореволюционная открытка

Библиотека Казанской духовной академии

книгами, необходимыми для ученой и учебной деятельности, если бы не пожертвования со стороны частных лиц всех условий и положений.

Естественно, что первыми жертвователями были священнослужители. Одним из первых был настоятель Свято-Успенского Зилантова монастыря о. Гавриил (Воскресенский), имевший славу первого русского историка философии и преподававший в 1834-1850 гг. в Казанском университете. Он подарил академии «Историю философии» своего сочинения в шести книгах, в четырех экземплярах, историческое описание Зилантова монастыря и другие свои сочинения (1). Часть книг из своей библиотеки подарил Преосвященный Владимир, Казанский владыка, в бытность которого и была открыта КДА, а также первый ее ректор Иоанн (Оболенский), предоставивший библиотеке полные комплекты журнала «Христианское чтение» за 15 лет. Особенно крупными были пожертвования тамбовского помещика, князя Н.Г. Енгальчева — 1003 названия — и коллежского ассессора И.В. Калашникова — 1084 названия в 1523 томах, а также Архиепископа Калужского Григория (Миткевича), бывшего ректором КДА в 1844-1851гг., — 674 издания, а позднее по завещанию 1867 года — ценные рукописи и старопечатные книги.

С открытием в 1855 году в КДА миссионерских курсов и появлением новых кафедр было ассигновано 1360 руб. для приобретения книг на восточных языках, а также 4423 руб. для покупки старопечатных книг и рукописей для противораскольничьего отделения. Таких щедрых единовременных поступлений для покупки книг академия больше не видела. А на обычно отпускаемую ежегодно сумму в 572 руб. можно было приобрести не более 100-200 книг. Поэтому правление академии использовало любые возможности для пополнения своей библиотеки. Так, например, она запрашивала суммы для приобретения книг профессорами академии во время их заграничных командировок. Во время командировки в страны Ближнего Востока профессору Н.И. Ильминскому было отпущено 480 руб. на покупку книг на турецком, арабском и персидском языках, доцент Н.Ф. Красносельцев во время командировки в Италию, Францию и Германию приобрел на сумму 500 руб. много ценных в научном отношении книг, а также фотоснимков и моделей раннехристианских памятников, а доцент М.А. Машанов приобрел в Сирии, Палестине и Египте магметанскую богословскую литературу также на 500 руб. Случались и неожиданные подарки. В марте 1853 года по высочайшему соизволению из Императорской публичной библиотеки было передано духовно-учебным за-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

ведениям 6080 названий книг. Из этого количества на долю КДА пришлось 1514. Академическая библиотека стала обладательницей прекрасной коллекции западных средневековых, а также польских писателей, исключительно на латинском языке.

Основную роль играли многочисленные пожертвования частных лиц и различных учреждений. Во все годы такие пожертвования равнялись, а иногда значительно превышали количество книг, покупаемых за казенные деньги. В формировании библиотеки, таким образом, проявилась столь характерная для русского православного мира соборность.

Профессор КДА С.А. Терновский в «Исторической записке о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования» приводит 238 фамилий лиц — жертвователей разного положения и 70 различных административных, учебных и ученых учреждений, монастырей, обществ и т. д. (2) Среди имен дарителей встречаем имена, прежде всего, профессоров и доцентов самой КДА. Многократно приносили книжные дары И.С. Бердников, Я.И. Богородский, Е.А. Будрин, А.И. Гренков, А.Ф. Гусев, П.В. Знаменский, Н.И. Ильминский, Н. И. Ивановский, Н.Ф. Красносельцев, Е.А. Малов, В.И. Несмелов, И.Я. Порфирьев, Г.С. Саблуков и многие другие. Вносили свой вклад коллеги из

Казанского университета — А.С. Архангельский, И.А. Бодуэн де Куртенэ (преподававший по совместительству в КДА старославянскую словесность в 1876-80 гг.), Н.И. Булич, М.П. Петровский, В.М. Флоринский и другие, которые дарили в основном собственные сочинения. Дарили книги КДА такие известные деятели России, как историки С.М. Соловьев (Московский университет) и К.Д. Кавелин (Санкт-Петербургский университет), академики А.Ф. Бычков и И.И. Срезневский, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, профессор Московской духовной академии А.П. Лебедев и многие другие.

Само собой разумеется, что среди жертвователей были многие архиереи — воспитанники КДА и других академий: Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович), Архиепископ Иркутский, затем Ярославский Нил (Исакович), приславший большое собрание сочинений по буддизму, Митрополит Московский Филарет (Дроздов), Архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) и многие другие. Весьма ценным было поступление книг из обширнейшей библиотеки скончавшегося Архиепископа Астраханского Афанасия благодаря содействию его восприемника по кафедре, бывшего профессора КДА Хрисанфа (Ретивцева). Ему удалось

заполучить из библиотеки Афанасия для КДА более тысячи томов по разным отраслям наук, в особенности апокрифов и исследований о них, памятников Египта и Эфиопии. Покойный владыка Афанасий был знатком многих восточных языков и собирателем восточных книг. Не забывая свою альма-матер бывшие ее воспитанники. Здесь, в первую очередь, следует назвать имя о. Иакинфа (Бичурина), который был выпускником еще «старой» академии.

Бичурин был по существу основателем отечественной синологии. Проведя в Китае много лет в качестве начальника Пекинской духовной миссии, он занимался научно-литературной деятельностью. Бичурин несколько раз пересылал в КДА свои печатные и рукописные труды, в том числе перевод истории Китая в семи томах. Общее число подаренных Бичуриным книг и рукописей достигало 150 наименований, почти 240 томов. КДА обладала наиболее полной коллекцией трудов выдающегося синоведа.

Были пожертвования и от иностранцев: митрополита Сербского Михаила, экзарха Болгарского Иосифа, министра просвещения Болгарии М.С. Дринова, английского миссионера Джеймса Лонга, который подарил академии 73 книги. В перечне административных, учебных, научных учреждений,

монастырей, обществ, который приводит в упомянутой книге С.А. Терновский, находятся все духовные академии, многие семинарии, университеты, Императорская публичная библиотека, Румянцевский музей, Палестинское общество, Русское географическое общество, Афонский Пантелеимонов монастырь, канцелярия Святейшего Синода, Азиатский департамент МИД России, Императорская академия наук и многие другие.

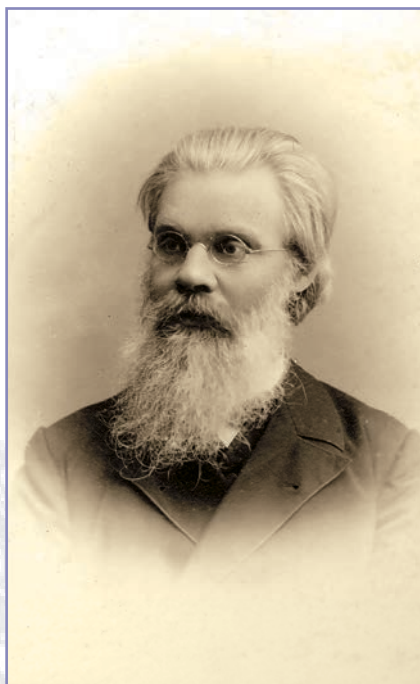
Особенно обильными были поступления от частных лиц на рубеже XIX — XX веков. Еще при жизни профессор И.С. Бердников передал свою богатейшую библиотеку, содержащую 1855 названий в 2848 томах, которая оценивалась по меньшей мере в 10 тыс. руб. В 1904 году в КДА поступила философская библиотека умершего профессора А.К. Волкова, насчитывающая 1358 названий в 3045 томах. Весьма ценным был дар почетного члена КДА, настоятеля посольской церкви в Вене протоиерея А.В. Рождественского. Этим даром была библиотека, купленная последним у французского священника и духовного писателя о. Владимира Гетэ, перешедшего в православие. Библиотека насчитывала 1600 книг. Наследники профессора Н.И. Ивановского пожертвовали его обширную библиотеку. В течение почти полувека передавал книги родной академии выдающийся историк П.В. Знаменский, их количество

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

измерялось тысячами. Выдающийся ученый и полиглот Н.Ф. Катанов передал целиком библиотеку, содержащую множество книг на восточных языках, в основание созданного им же при академии историко-этнографического музея.

В 1855 году ввиду большого поступления рукописей и старопечатных книг библиотека была разделена на две части: первая — фундаментальная, вторая — отдел рукописей и старопечатных книг. Это событие произошло после перевода библиотек Соловецкого монастыря и Анзерского скита в Казань из-за опасения возможного захвата английским флотом Соловецких островов во время Восточной (Крымской) войны. Общее количество рукописей этих библиотек составляло 1480 единиц. Большинство рукописей относилось к XVI—XVIII векам, небольшая часть принадлежала первому собирателю библиотеки игумену Досифею — XV века. Были и две пергаментные рукописи XIII—XIV веков. Историческое значение соловецкой библиотеки заключалось в списках греческих и русских житий святых, различных исторических повестях, апокрифах и сказаниях.

К исследованиям памятников древнерусской словесности, апокрифов, источников по истории раскола были привлечены лучшие научные силы академии и способные студенты. Из шестого

Библиотекарь Казанской духовной академии Ф. И. Троицкий.

*Фото из личного архива
О. В. Троепольской*

выпуска студентов, которые начали изучать рукописи, вышли в дальнейшем талантливые преподаватели академии: А.П. Щапов, И.М. Добротворский, А.И. Лилов, В.А. Ложкин, ставшие руководителями новых научных направлений: русской истории, русского раскола и славянской палеографии. Профессор русской словесности И.Я. Порфирьев опубликовал на страницах академического журнала «Православный собеседник» большое количество памятников древнерусской литературы и апокрифов со своими объяснениями.

Пользовались материалами соловецкой библиотеки и ученые из других городов. Например, в 1866 году в рукописном отделе КДА в течение почти трех месяцев над магистерской диссертацией работал выдающийся историк В.О. Ключевский. В связи с публикацией материалов соловецкой библиотеки резко возрос интерес к журналу «Православный собеседник», что позволило активно вести обмен с другими периодическими изданиями. Присылались запросы на журнал из Ватикана, Оксфордского и Гарвардского университетов, Болгарии.

Сохранение книжного богатства составляло предмет особой заботы академического управления. Ежегодно, с тех пор как библиотека заняла свое окончательное место в западном флигеле в 1873 году, проводились ревизии. Как правило, ревизоры находили библиотеку в надлежащем порядке и ходатайствовали перед советом академии о поощрении библиотечарей.

Редкие книги и рукописи выдавались только преподавателям на срок до одного месяца, а книги — на три месяца. Продление срока проводилось лишь по предъявлении взятых книг или рукописей. Книги студентам выдавались по запискам профессоров в количестве не более десяти, для преподавателей число книг не было ограничено. Отъезжающие в отпуск

или командировку должны были сдать книги. Исключение книг из каталогов осуществлялось по особому распоряжению управления по причине ветхости или же невозможности отыскания издания в случае смерти абонента. Но это были чрезвычайно редкие случаи. Абоненты, многие из которых и сами были жертвователями книг, относились с должной бережливостью к книжному богатству академии. Но, к сожалению, было и прискорбное исключение из этого правила, связанное с именем известного историка А.П. Щапова, о котором П.В. Знаменский пишет как о натуре «страстной, увлекающейся, горячей до самых диких выходов» (3). Знаменский описал обстановку, в которой работал Щапов. В комнате, где он занимался, повсюду были разложены или разбросаны книги и рукописи: на столах, на кровати, на подоконнике, на полу. Сам Щапов, стоя за своей конторкой, порой по 15 часов, взбадривал себя крепким чаем, табаком и вином. Работая таким образом, он не щадил не только себя, но и книги. В результате после его увольнения из академии, происшедшего из-за его знаменитой речи на панихиде по убиенным крестьянам в с. Бездна, оказалось, «что за ним пропало 21 наименование книг. Много книг от его неряшливости было испорчено, из некоторых вырваны листы и целые статьи. Из бумаг, оставшихся после проф[ессора] Елисеева (рукописи, перешед-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

шие в распоряжение Щапова. — Б. К.), некоторые документы были представлены не в целости, а некоторые и вовсе перепорчены» (4).

Пользоваться библиотечными богатствами разрешалось исследователям из других учреждений и из других городов. Всякий раз заявления на высылку рукописей рассматривались на заседаниях совета академии, и, как правило, они удовлетворялись, равно как и сами преподаватели КДА порой запрашивали книги из иногородних библиотек. Библиотека имела прекрасные отпечатанные типографским способом систематические и алфавитные каталоги, которые постоянно пополнялись по мере новых поступлений. Каталоги выдавались бесплатно преподавателям и студентам на каждую комнату. Большим удобством было то, что при заказе книги или рукописи не нужно было указывать ее название и автора, а достаточно было указать шифр книги по каталогу.

Должности библиотекаря и его помощника всегда считались почетными. Первыми библиотекарями академии были профессора И.А. Смирнов-Платонов, о. Серафим (Протопопов), П.В. Знаменский, И.Я. Порфирьев. С возрастанием поступлений книг, которые требовалось занести в каталоги и расставить по местам, профессорам стало трудно сочесть свои основные обязанности

с библиотечными, поэтому в 1865 году было решено ввести должности освобожденного библиотекаря и его помощника. Они замещались по конкурсу, иногда на одно вакантное место было до 12 претендентов. Каждая кандидатура тщательно рассматривалась на заседании совета академии, а выбранный кандидат утверждался архиепископом. Кандидаты на должности библиотекаря и помощника имели, как правило, образование не ниже семинарского. Последним библиотекарем КДА был многолетний ее сотрудник Ф.И. Троицкий, прослуживший в библиотеке 33 года. За безупречную долголетнюю службу он был награжден пятью российскими орденами. После революции он покинул Казань, и, по сведениям И.М. Покровского, скончался в мае 1924 года.

С 1873 года библиотека располагалась в специально построенном для нее флигеле, состоящем из 22 светлых, сухих комнат. Отопление осуществлялось калориферами, располагающимися в подвале, теплый воздух подавался по трубам. Книги хранились, по преимуществу, в дубовых шкафах, представлявших большую ценность, таковыми были и книжные витрины. Комнаты нижнего этажа были снабжены решетками.

К 1917 году книжное собрание библиотеки составляло свыше 150 тысяч томов. Кроме книг

по богословию и истории религий и церквей, составивших значительную часть собрания, библиотека располагала обширными подборками по философии, естествознанию, всеобщей и русской истории, психологии, языкознанию, юриспруденции, экономике, филологии и т. д. Были в ней собрания сочинений античных и современных классиков. Создание уникальной, тщательно подобранной коллекции — заслуга всей ученой корпорации академии.

С установлением новой власти в 1917 году открылась трагическая страница в истории Русской Православной Церкви. С принятием ряда постановлений, в том числе секретных 1921 году, началось широкомасштабное наступление на все церковные структуры, которое включало в себя конфискации церковных ценностей, репрессии против священнослужителей и прихожан, закрытие духовных учебных заведений. В 1921 году была закрыта и КДА, в которой еще велась учебная деятельность в стесненных условиях, а в последние годы занятия проводились на квартирах профессуры.

Была обречена и академическая библиотека. С февраля 1919 года решением Главного управления архивным делом при ВЦИК РСФСР (Главархив) она была передана в ведение уполномоченного Главархива по Татарской Республике профессо-

ра И.А. Стратонова. Библиотека находилась в том же здании, а ее заведующим назначен профессор КДА И.М. Покровский, который еще в 1918 году не допустил занятия помещений академии подразделениями Красной Армии. Вообще, профессорам Покровскому и Стратонову принадлежит исключительная заслуга в деле сохранения библиотек и архивов Казани (5). Они, по существу, совершили гражданский подвиг, сохраняя бесценные исторические материалы.

Положение библиотеки резко изменилось с образованием Татарского коммунистического университета (ТКУ) в 1921 году. Руководство ТКУ при поддержке Татнаркомпроса стало возбуждать вопрос о передаче ему в собственность части находящейся в ведении Главархива библиотеки КДА. И такая передача, несмотря на решительные протесты заместителя заведующего Главархива РСФСР В.В. Адоратского (уроженца Казани) состоялась в мае 1925 г. по решению президиума Академического центра Татнаркомпроса (председатель Г.Г. Ибрагимов). По этому решению в пользу ТКУ, по одним источникам, было изъято 7 тысяч томов, по другим — 10 тысяч.

Как бы то ни было, но в отчете заведующего библиотекой ТКУ А. Фирсова за 1925 год говорится о том, что «полная обработка книг от бывшей ду-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

ховной академии явилась бы самостоятельным заданием для целого года 2-3 высококвалифицированных специалистов» (6).

Окончательная судьба академической библиотеки была решена на совещании представителей Восточного педагогического университета, ТКУ, Центральной восточной библиотеки и Татпедтехникума. Книжное богатство уникальной библиотеки распределялось между организациями — участниками совещания, часть книг и рукописный отдел передавались в Татарское отделение Главархива (ныне НА РТ). Бурятские книги передавались в Бурятскую Республику, книги и рукописи Иакинфа Бичурина — в Ленинградскую библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописи Соловецкого монастыря были переданы в Централхив РСФСР в 1927 году (7).

В настоящее время часть уникального книжного собрания книг КДА находится в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета, ТГГПУ, Национальной библиотеки, Казанской духовной семинарии, небольшая часть старопечатных книг и рукописей — в Национальном музее РТ. В Национальном архиве РТ в ф. 80, оп. 5 находятся 1222 единицы хранения — русские рукописи, в ф. 80, оп. 6, 7 — восточные рукописи в количестве 214 единиц.

Часть книг, которую трудно определить даже приблизительно, оказалась разными путями в руках частных лиц. И поныне можно встретить иногда на стихийных книжных развалах книги со штампом Казанской духовной академии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 10.
2. Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. — Казань, 1892. — С. 132-149.
3. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы). — Казань, 1892. — Вып. 2. — С. 115.
4. Там же. — С. 132.
5. Троепольская О., Троепольская Н.Я не столько археолог и музеист, сколько историк-археолог и архивист... (О работе И. М. Покровского в Казанском губернском архиве в 1920-1930-е гг.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2009. — № 2. — С. 106-122.
6. ЦГА ИПД РТ, ф. 1198, оп. 1, д. 146, л. 7 об.
7. Хасаншина Л. Д. Библиотека Казанской духовной академии в Национальном архиве РТ // Краеведческие среды. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2003 г. — Казань, 2004. — Вып. 4. — С. 102-106.

По материалам
научно-документального
журнала
«Гасырлар авазы - Эхо веков»,
2010, №№3,4

**Борис
Михайлович
Куницын**
историк-краевед

Нестор- летописец казанской alma mater

**Трудно передать
словами чувства,
которые
охватывают всякого
исследователя,
когда он впервые
открывает доселе
неизвестные
миру автографы
выдающихся людей.**

Держишь в руках листочки с записями, сделанными сто с лишним лет назад рукой великого мастера, - и устанавливается какая-то мистическая связь между тобой и далеким автором, рушатся разделяющие временные барьеры и ощущаешь даже какое-то таинственное присутствие человека, давно покинув-

шего земные пределы. Именно такое трудно объяснимое чувство довелось пережить автору этих строк, когда при изучении фонда профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского в Национальном архиве РТ неожиданно обнаружили автографы писем классика русской литературы Николая Лескова казанскому профессору.

Переписка, начатая по инициативе писателя, охватывает пять лет — с 1875 по 1880 год — и вызвана тем огромным интересом, который Лесков проявлял к истории религий, и в особенности к православию и истории русской церкви. Внимание известного писателя не могли не привлечь труды казанского профессора П.В.Знаменского, в частности, его ставшая к тому времени широко известной «История русской церкви». Как сам Лесков отмечает в письмах, достоинство исторических сочинений Знаменского состоит в трезвом, правдивом взгляде автора на исторические события, в независимости суждений и мировоззрения, в отсутствии «направления», будь то консервативно-охранительное или же радикально-либеральное, что соответствовало позиции и самого Лескова. И второе, что он неоднократно повторял, — это ярко выраженная художественность изложения в описании исторических лиц и событий. Признание литературных достоинств

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

сочинений Знаменского в устах автора бессмертного «Левши» и «Очарованного странника», думается, дорогого стоит. Кем же был на самом деле казанский адресат Лескова?

К сожалению, многие десятилетия было не принято говорить о той большой роли в деле просвещения, которую играла, наряду с университетом, Казанская духовная академия. А ведь ее воспитанниками и профессорами были такие выдающиеся деятели отечественной науки и культуры, как востоковеды Н.Я.Бичурин (о.Иакинф), Н.И.Ильминский, Г.С.Саблуков, Н.Ф.Катанов, историки Г.З.Елисеев, А.П.Щапов, Н.Я.Аристов, богослов А.М.Бухарев (о.Феодор), философ В.И.Несмелов, правовед И.С.Бердников и многие другие. В плеяде замечательных историков академии самое выдающееся место, несомненно, принадлежит П.В.Знаменскому, чьи труды получили наибольшую всероссийскую известность.

Петр Васильевич Знаменский родился в 1836 году в Нижнем Новгороде в семье дьякона. Все его предки, как по мужской, так и по женской линии, за очень редким исключением были священнослужителями, занимая на иерархической духовной лестнице самые нижние или средние ступени. Лишь одному из родственников — Ивану Михайловичу Певницкому — удалось подняться на более высокую сту-

пень этой лестницы. Выпускник Петербургской духовной академии, он в 21 год получил звание магистра богословия — случай небывалый в истории академии — и был назначен священником в русскую церковь при гробе великой герцогини Вюртембергской Марии Павловны, где прослужил 26 лет, после чего переведен священником дворцовой церкви в Зимнем дворце. Иван Михайлович был семейной гордостью рода Знаменских. Свою магистерскую стипендию 100 рублей серебром в год он распорядился передать своей сестре Анне Михайловне — бабушке Знаменского, которая была обременена большим семейством.

Бабушка Анна была повластной хозяйкой многолюдного семейства Знаменских. Как отмечает Петр Васильевич в своих автобиографических заметках, она оказала на него большое духовное влияние. Бабушка чуть ли не наизусть знала Четьи-Минеи, по которым Петруша уже в пять лет выучился грамоте, на досуге любила читать церковные книги, к ней обращались за помощью в разъяснении трудных мест Священного Писания семинаристы-квартиранты, а однажды она поразила даже самого архиепископа своими познаниями.

В противоположность ей матушка-дьяконица была современной женщиной. Ее духовные интересы лежали совсем в другой области: романы Поль де Кока

Петр Васильевич Знаменский

и подобных ему писателей, театральные постановки - вот ее духовная пища. Отец-дьякон был хорошим латинистом и любил на досуге поспорить на философские темы со своими приятелями и также частенько заходил в театр, был знаком с актерами, бывшими его прихожанами, с которыми частенько любил и кутнуть. Воспитанием детей родители, по сути, не занимались, почти целиком возложив это дело на бабушку.

Материальное положение Знаменских было довольно скромным. Они хотя и имели собственный дом, в котором даже сдавали углы семинаристам, но каких-либо сбережений на черный день не накопили. И когда такой день наступил — семья лишилась своего кормильца, отца шестерых детей, погибшего в результате разбойного нападения, — то даже хоронить его пришлось на деньги, собранные по подписке среди прихожан.

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Вдова с шестью детьми на руках оказалась в очень трудном положении, поэтому на семейном совете поначалу склонились к тому, чтобы отдать Петрушу, самого старшего из детей, которому едва исполнилось 14 лет, в приказные в лавку. И неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы один из опекунов не обратил внимание на незаурядные способности к учению своего подопечного и не настоял на том, чтобы отдать мальчика в духовную семинарию на казенный кошт. Он предсказал, что, выучившись, Петя займет более достойное положение, чем его отец, и вытащит семейство из нужды. Так оно впоследствии и оказалось.

Петр Знаменский стал учащимся Нижегородской семинарии. Суровый быт русской бурсы хорошо известен по литературе. Самым ярким произведением, посвященным бурсацкой жизни, безусловно, являются «Очерки бурсы» Н.Помяловского, в которых Д.Писарев увидел сходство между положением бурсаков и арестантов. И это не кажется большим преувеличением, когда читаешь воспоминания П.В.Знаменского о его годах учения. Две главные беды сопровождали семинаристов. Первая - постоянное чувство голода. Вот, к примеру, как он описывает семинарский стол. Завтрак: кружка кваса с ломтем черного хлеба. Обед: щи или гороховый суп с добавлением в скоромные дни

двух-трех еле заметных кусочков мяса и неизменная гречневая каша, приправленная ложкой масла. Щи хлебались из общей миски на шесть человек. Ужин: та же каша и стакан кипятка. Кружка молока с белой булкой, которые получали воспитанники из состоятельных семей, были предметом зависти тех детей, которые по бедности родителей не могли себе этого позволить. Вторая беда, от которой страдали семинаристы, — обилие насекомых в платье и постелях, или, как выражается Знаменский, «скотоводство». Банные дни, устраиваемые через каждые две недели, были настоящими праздниками для бурсаков. Остальные тяготы бурсацкой жизни: помывание младшими учениками со стороны старших, суровая дисциплина, строго карающая даже за невинные детские шалости, изнурительные занятия малопонятными юным умам догматическим богословием и латынью - были ничтожными по сравнению с первыми двумя.

По-спартански суровый и аскетичный семинарский быт сформировал привычки и образ жизни Знаменского. Всю жизнь он щедро помогал обездоленным. На его фактическом попечении оказались дети его сестер, семейное положение которых было неблагоприятным: у одной муж-священник оказался подвержен распространенному на Руси пристрастию к алкоголю, вторая осталась вдовой в

молодых лет. Материальную помощь, зачастую анонимную, Знаменский оказывал и семьям недостаточно обеспеченных преподавателей, и, особенно, студентам. Но в свои бурсацкие годы ему помощи ждать было неоткуда и приходилось рассчитывать лишь на свои силы. Знаменский вспоминает, как за ту же кружку молока с белой булкой он мог написать сочинение на латыни за обеспеченного, но не слишком способного семинариста.

Любовь к рисованию у Знаменского стояла, пожалуй, на втором месте после истории. В раннем детстве, не имея денег на покупку цветных карандашей и красок, он пользуется для их изготовления соком различных растений, а также использует соскобленный с печи мел и печеную сажу. Сюжеты его картин, которые, по большей части, он дарил своим знакомым и, к счастью, сохранившихся в некоторых частных коллекциях, были самые разные. Это и библейские сюжеты, и пейзажи, и портреты, исполненные тонкого психологизма, и копии картин известных мастеров.

В 1860 году Знаменский в звании магистра окончил семинарию и был направлен на учебу в Казанскую духовную академию. Здесь на академической скамье определились его главный интерес и дело всей жизни - изучение истории русской церкви. Кафедру общей и церковной

истории в Казанской академии в разное время занимали такие известные личности, как Григорий Захарович Елисеев, читавший курс с 1844 по 1854 год, и воспитанник Казанской академии Афанасий Прокофьевич Щапов. Лекций Елисеева Знаменский не мог слышать. К тому времени Григорий Захарович занимался совсем другой деятельностью - он становится журналистом, одним из руководителей, наряду с Некрасовым и Чернышевским, журнала «Современник», представляя в нем направление «мужицкой», крестьянской России. Елисеев был предтечей Н.К.Михайловского и движения так называемого народничества, но он же оставил заметный след и в истории Казанской академии. Его перу принадлежит объемный труд по истории Казанской епархии, которым пользовались многие историки, в том числе и Знаменский.

Широкую известность среди современников Афанасий Щапов заслужил не как профессор-историк, а прежде всего своей страстной речью на панихиде по убиенным крестьянам села Бездна Казанской губернии, в которой приняли участие многие студенты Казанского университета и академии. За эту речь Щапов был отстранен от профессорской должности, арестован и затем сослан в Сибирь, впрочем, с предоставлением государственной службы, где и скончался 45 лет от роду. В «Истории Казанской

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

духовной академии» Знаменский уделяет много места личности и трудам Щапова — своего учителя и предшественника. Высоко оценивая его разносторонние научно-исторические сочинения, в особенности по истории раскола, восхищаясь его феноменальной работоспособностью, Знаменский в то же время не соглашается со многими крайностями его взглядов, в частности, с идеализацией народной жизни и, по его выражению, «поэтизацией» мужика. Эти несогласия Петр Знаменский высказывал своему учителю, будучи еще студентом, в диспутах, проводившихся на квартире у Щапова, который сторонился своих коллег-преподавателей, но зато охотно дискутировал на исторические темы со студентами.

Не без волнения вступал Знаменский на академическую кафедру, так как сознавал, что в памяти студентов еще живы были блестящие, эмоциональные лекции Щапова. Как его ученик, Петр Васильевич на первых порах довольно близко держался прежней программы, сглаживая только ее крайне народническое направление. Щапов придавал крестьянскому фактору значение главной движущей силы истории, Знаменский же, признавая этот фактор безусловно важным, считал, что все другие сословия российского общества также играют большую роль в историческом процессе. Постепенно у Знаменского складывается своя

собственная оригинальная программа изучения и преподавания общей и церковной истории, отличная как от щаповской, так и от официально-консервативной. В своей программе Знаменский уделял большое внимание учету экономического и географического факторов в церковной истории, что сближало его научную концепцию с концепцией его современника, великого русского историка В.О.Ключевского. Однако не менее важным Знаменский считал духовно-нравственный фактор, который в истории России определялся в значительной степени православной церковью.

Начало шестидесятых годов XIX столетия — время крупных реформ во всех сферах государственной и общественной жизни России. Не миновали реформы и церковную жизнь. Сама реальность требовала пересмотра многих положений, касающихся отношений государства и церкви, церкви и общества. Труды по истории русской церкви, в которых отчетливо проявились новые тенденции, стали появляться в шестидесятые-семидесятые годы, в их числе — «Руководство к русской церковной истории» П.Знаменского, в основу которого были положены записи его лекций в Казанской духовной академии.

Необходимость в таком учебном пособии ощущалась давно. «Руководство», впоследствии

получившее название «История русской церкви», выдержало при жизни автора семь изданий. По этой замечательной книге обучались (и сейчас обучаются!) в духовных учебных заведениях. История русской церкви, написанная автором, обладающим, несомненно, художественным талантом, а также его идейная позиция и привлекли внимание Н.С. Лескова.

В 1871-72 годах П.В. Знаменский подготовил докторскую диссертацию — капитальнейший труд на 850 страницах — «Приходское духовенство со времени реформы Петра» (Казань, 1873). Этот труд, в который вошли несколько десятков статей, опубликованных в журнале «Православный собеседник», не утратил своего научно-исторического значения и по сей день. Ссылки на него часто можно видеть в трудах современных историков.

Материалом для многих статей Знаменского служили рукописи из библиотеки Соловецкого монастыря, которая была переведена в Казанскую академию во время Крымской войны ввиду опасности вторжения английского флота на севере страны. Знаменский был председателем комиссии по описанию рукописей Соловецкой библиотеки. Всего было описано 700 рукописей, что составило три объема тома, более трети всех описаний принадлежит перу самого Знаменского.

В 1892 году Казанской духовной академии исполнилось 50 лет. К этой юбилейной дате ученый совет поручил профессору Знаменскому написать ее историю за период с 1842 по 1870-е годы - до введения нового устава академии. Профессор блестяще справился с поручением. Труд этот не имеет аналогов в истории русских духовных академий. Знаменского по праву называли летописцем-Нестором своей alma mater. И в этом труде запечатлелся его блестящий стиль незаурядного историка и писателя. Книга лишена той официальной протокольной сухости, которой грешат подобные издания, написана живым, образным русским языком. Перед читателем оживают многие события, подчас драматические, и действующие лица этих событий. Психологические портреты, описания жизни и деятельности известных профессоров академии, ее отцов-ректоров, а также многочисленных скромных служащих и студентов по художественной выразительности и достоверности не уступают биографическим очеркам наших писателей-классиков. При описании исторических лиц со всеми их достоинствами и недостатками, пристрастиями, слабостями, интересами, симпатиями и антипатиями Знаменский нигде не нарушает той меры, на которую ему указывал Лесков и нарушение которой привело бы к унижению человеческого достоинства героя, а сам рассказ легко мог бы превратиться в фарс.

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Это сочинение Знаменского высоко оценил и историк В.О.Ключевский. Благодаря в письме казанского коллегу за присланные тома «Истории», он писал: «В Вашем юбилейном «поминовении» поминаемые покойники Казанской академии встают совсем живыми людьми. В Вашем рассказе мне впервые показались понятными и некоторые лица, о которых доселе я имел недостаточно ясное представление». Подобную восторженную оценку «Истории» Знаменского дал также выдающийся философ Василий Розанов. Он вспоминал, как один бывший воспитанник Казанской академии дал ему посмотреть эту книгу и как он был увлечен ее содержанием.

Нельзя сказать, что сочинения Знаменского не встречали никакого сопротивления и критики со стороны духовной и гражданской цензуры. Так, казанский Архиепископ Антоний (Амфитеатров) находил, что в труде Знаменского «выставлены темные стороны жизни высшей церковной власти» и приходского духовенства, но этот и подобные ему отрицательные отзывы, к счастью, были «парализованы» авторитетной защитой выдающегося церковного историка Макария (Булгакова), бывшего в то время Архиепископом Литовским.

В глазах же сообщества гражданских ученых-историков авторитет казанского профессора был непререкаем. По представ-

лению В.Ключевского он был единогласно избран доктором истории *honoris causa* Московского университета, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, доктором истории Казанского университета, пожизненным членом Московского общества истории и древностей российских, а также членом многих провинциальных научных обществ. Все четыре российские духовные академии удостоили его звания почетного доктора.

По достижении 60 лет Знаменский, имея за плечами 36 лет усердной профессорской службы и непрерывной научной и литературной деятельности, почувствовал, что уже не может, как прежде, с той же энергией служить на педагогическом поприще, и решил освободить кафедру для молодого, полного сил доктора богословия, к тому же многодетного семьянина. Это был поступок, на который не каждый мог бы решиться. Еще один учебный год Знаменский прослужил за штатом, а затем совершенно оставил профессорскую службу, сделавшись «свободным профессором», но связь с родной академией не порывал до конца жизни.

В качестве «свободного профессора» он получил новую, более широкую, чем прежде, аудиторию, собиравшуюся у него на квартире. Его любимый ученик и душеприказчик, сам известный историк и архивист, профес-

сор Иван Михайлович Покровский вспоминал о своем учителе: «Всегда добрый, внимательный и услужливый, П(етр)В(асильевич) никогда не отказывал в нужном и возможном совете. Всем доступный, он по-прежнему не жалел дорогих сокровищ своего ума, знания, опыта, делясь ими со всеми. Можно смело сказать, что никто из добровольных посетителей П. В-ча не уходил от него неудовлетворенным и без новых знаний».

Не оставляет «отставной профессор» и своих литературных занятий. Ему принадлежит заслуга возвращения из длительного забвения религиозно-нравственного учения о. Феодора (Бухарева), чьи революционные по сути идеи не были поняты современниками и строго судимы в печати, а сам автор гоним при жизни. Благодаря в первую очередь статьям П.Знаменского удалось издать лежащие под гнетом духовной цензуры почти 40 лет сочинения Бухарева.

В отличие от своего знаменитого современника и писателя Лескова, разочаровавшегося к концу жизни в православии и отошедшего от него, оставаясь при этом христианином, Знаменский был до конца жизни верен и православию, и его церкви. Он не хуже Лескова видел и знал «темные» стороны церковной жизни и кризисные явления богословской науки, но при этом верил во внутреннюю интеллектуальную и нравственную потен-

цию православия, которая путем неустанной работы и совершенствования может постепенно преодолеть кризисные явления и очиститься от негативных исторических наслоений.

В обычной жизни П. Знаменский, как отмечали его ученики, был глубоко верующим православным человеком, доказывая это своими поступками. Широко известна его благотворительная деятельность, о которой мы уже упоминали. Примеры его благих дел можно продолжить: он отказался от вознаграждения за свой монументальный труд «История Казанской духовной академии» в пользу поддержания недостаточных студентов. Несколько тысяч томов из своей библиотеки он передал родной академии и епархиальному женскому училищу. В его архиве сохранились многочисленные благодарственные письма различных адресатов за его бескорыстную материальную поддержку.

Все люди, близко знавшие Петра Васильевича, отмечают благородство его натуры, душевную доброту, простоту и естественность в обращении, мягкий добродушный юмор и даже «прирожденный аристократизм», который, впрочем, вполне ощущается даже на его фотографиях. Благодаря каждодневному упорному труду бывший полуголодный бурсак, не имевший лишней пары белья и нескольких рублей для покупки красок и

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

книг, превратился в гражданского генерала, действительного статского советника, но все это не сделало его самодовольным снобом, упивающимся собственной славой и величием. От этого он был надежно защищен обаятельным качеством — самоиронией, которая чувствуется в его письмах.

Петру Васильевичу не довелось дожить до трагической развязки исторической российской драмы. Он тихо скончался 2 мая 1917 года в своем доме. Но богоборческая власть не оставила его за гробом. Спасский монастырь, в ограде которого был похоронен он сам и его супруга Антонина Михайловна (скончалась в 1906 году), в безбожные 1930-е годы был разрушен, а вместе с тем пришло в запустение и кладбище при нем.

Казалось, навсегда канула в Лету память об известном некогда казанском историке. Но - «все возвращается на круги своя». Новый поворот в российской истории возвращает к жизни духовные и исторические ценности, творческое наследие многих выдающихся историков, философов, богословов и писателей. И в ряду этих выдающихся деятелей отечественной культуры достойное место по праву принадлежит Петру Знаменскому.

По материалам
газеты «Республика Татарстан»,
№№ 159-160 (25495)

**Ирина
Порфирьева**
преподаватель
Казанского
музыкального колледжа

Архивное, семейное, личное...

**История закрытия
Казанской духовной
академии
в 1921 году, потеря
ее ценнейшего
рукописного и
книжного собрания
- одна из самых
драматичных страниц
казанской истории.
Но эти давние
события волнуют
меня до сих пор, ведь
они имеют прямое
отношение
к нашей семье...**

Сведения о своих предках-профессорах, работавших в КДА и бывших ее гордостью, я получила в детстве от отца, Вассиана Сергеевича Порфирьева. Всякий

раз, когда мы с ним проходили мимо классического здания 6-й Горбольницы по ул. Н. Ершова, он мне непременно напоминал, что здесь раньше находилась Казанская духовная академия, где работали его прадед востоковед Гордий Семенович Саблуков, первый переводчик Корана на русский язык, и его дед Иван Яковлевич Порфирьев, профессор русской словесности. Рассказывал мне, что в здании, где в то время находилось кафе «Кама», располагалась Библиотека КДА, что существовал прекрасный академический сад (частично сохранившийся сейчас сад на территории РКБ-2 по ул. Шмидта).

Прошло много лет, прежде чем мне довелось попасть внутрь здания КДА. Арочные пролеты скорбного подвала 6-й больницы, марши узорной чугунной лестницы вели на второй этаж. Больничные интерьеры всегда унифицирует пространство, но высокие потолки, толстые стены этого величественного здания явно «говорили», что были предназначены для другой жизни... Но что мы знали о нашем прошлом в советское время?

После смерти отца и старшего поколения семьи мне пришлось вплотную познакомиться с семейным архивом и разобраться в нем. Интерес привел меня в Национальный Архив РТ, где мне удалось познакомиться с архивными делами КДА. Меня поразил масштаб, качество и де-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Иван Яковлевич Порфирьев

тальность ведения канцелярских дел в КДА. По этим документам можно было буквально одновременно отслеживать подробности жизни духовных семинарий в самых разных регионах страны.

В архиве РТ я познакомилась с краеведом Борисом Михайловичем Куницыным (к большому сожалению, скончавшимся в этом году), который занимался историей КДА. И с Ольгой Викторовной Троепольской, внучкой профессора КДА Ивана Михайловича Покровского, которому казанцы обязаны спасением городских архивов в годы революции и гражданской войны, я познакомилась неслучайно. К нашей великой общей радости, дружба многих поколений наших семей была восстановлена. В их прекрасном деревянном доме мне было показано много инте-

ресных документов и фотографий из семейного архива.

В семье Порфирьевых также хранились документы, книги, переписка друзей, ученых КДА, членов ОАИЭ, их фотографии. Все это было собрано нашим дедом, историком-архивистом, страстным библиофилом Сергеем Ивановичем Порфирьевым и бережно сохранялось его женой Юлией Михайловной и дочерью Юлией Сергеевной Порфирьевыми.

О замечательных людях, связанных с Духовной академией, о бесценных книгах и рукописях, которые столько лет накапливались в стенах ее библиотеки и так варварски были утрачены, хочется рассказать.

Казанский Духовно-учебный округ заключал в себя Тобольскую, Енисейскую, Якутскую епархии, оканчивался береговой линией Охотского моря, Камчаткой и Чукотским мысом до границ Северо-Американских русских владений. Его заселяли татары, ногаи, мещеряки, туркмены, кумыки, башкиры и киргиз-кайсаки, монголы, буряты и калмыки, черемисы, чуваша и мордва, пермяки, зыряне, вотяки, вогуличи, остяки и телеуты, самоеды, американцы, юкагиры, чукчи, эскимосы. Миссионерская деятельность Казанской Академии распространялась до Алеутских островов.

Первый документ из Национального Архива РТ об избрании места для открытия Духовной академии в Казани, ее задачах и целях предлагаю читателям.

**ВЕДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНАГО
ИСПОВЕДАНИЯ**

*Духовно-Учебное управление
при СВЯТЕЙШЕМ СИНОДЕ
Казанский духовно-учебный
округ
Казанская
духовная академия
Внутреннее правление
Казань*

Дело 1842 года.

<> Признано необходимым привести в исполнение, чтобы сблизить и облегчить сношение отдельных семинарий и при том иметь более средств к лучшему за ними надзору.

Было поручено архитектору Пятницкому найти подходящий дом для размещения 60 воспитанников. Сначала нашли дом Поликсены Ивановны Панаевой (Рындовской), оказался неудобен, следующий дом 2-жи Останковой, из-за соседства с Губернаторским домом, сочли слишком шумным местом. Предполагали покупку дома отставн[ого] Конной гвардии штатс-ротмистра Ник[олая] Мих[айловича] Теренина на Петропавловской улице <>

Выбран был Тобольский тракт (Арское поле), место пустое,

видами прекрасное, высокое и сухое > (1)

Правлению КДА вменялось в обязанность составить каталог книг, необходимых для образования библиотеки при Казанской Академии.

< Правление Дух. Академии просит — не благоволит ли духовно-учебное управление снабдить каталогом книг Московской или другой из Дух[овных] Академий, а также каталогами книг, имеющихся у кого-либо из лучших русских и иностранных С-Петербургских книгопродавцев для удобнейшего по ним составления каталога книг, необходимых для образования >

В 1842 году самым первым приобретением для библиотеки КДА была покупка полного собрания «Свода Законов Российской Империи». В состав Учебной библиотеки из книгохранилища Духовно-учебного Управления вошли книги, разрешенные священным Синодом:

Библия на еврейском языке, Православное исповедание П. Могилы, Библия на славянском языке, Библия (на греческом), Новый Завет (в русском переводе), Библейские Симфонии (на славянском языке), из Пятикнижия Моисея, Исаию, Иеремию, и Варуха, Иезекиила, Даниила, Захария, Иова, Соломона, Псалмы. Четыре евангелия и Деяния Апостольские. Послания

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

ап[остола] Павла, Царские и Патриаршие грамоты об учреждении Св. Синода с изложением Православного Исповедания Восточно-Кафолической церкви. Книги Тацита, Цицерона, Вергилия, Горация, книги по русской истории и языкознанию.

От частных лиц в библиотеку поступили:

от мещанина Ивана Никифорова — Полное собрание соч. Преосвященного Тихона Воронежского, Всеобщая История Милота в 13 томах, «История Государства Российского» Карамзина 4 тома;

от управляющего книжной лавкой Андрея Глазунова — сочинения Державина, карта России в футляре, «География» Арсеньева, «Илиада» Гомера, «Алгебра» Лобачевского, географические карты;

от Зилантовского архимандрита Гавриила (Воскресенского) — История философии в 16 книгах, Слово на освящении Симбирского Троицкого собора, историческое описание Зилантова монастыря;

от Казанского императорского Университета — Диссертация «Об актах укрепления прав на имущество» Антона Станиславского.

В библиотеку выписывались периодические издания: «Христианское чтение», «Творения святых отцов», журнал министерства народного про-

свещения, «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Мыслитель», «Северная пчела» (2).

Страшный пожар в 1842 году, уничтоживший центр Казани, задержал постройку нового помещения, и только в 1848 году Академия переехала в новое здание, построенное по проекту архитектора А.И. Песке на Арском поле. Для книг быстро прибывающей библиотеки был отдан правый хозяйственный флигель. Первым библиотекарем назначается Михаил Холмогоров, которому пришлось разбирать книги, не пострадавшие при пожаре.

Инспектор Академии Семен Иванович Протопопов (в монашестве, отец Серафим), выпускник Московской академии, человек образованный, выделявшийся сдержанностью и безукоризненными манерами, преподавал в Академии словесность и был библиотекарем. Именно он дал первые рекомендации в научном направлении моему прадеду Ивану Яковлевичу Порфирьеву, отличнику Вятской семинарии, поступившему в Казанскую духовную академию в 1844 году.

Как писал профессор П.В. Знаменский: *«С.И. Протопопов преподавал словесность на новейших тогда началах эстетической теории Гегеля и своими лекциями успел возбудить в Академии живое литературное движение, поддержанное потом и его даровитым*

преемником Порфирьевым и долго господствовавшее в академическом образовании. И.Я. Порфирьев до конца жизни отзывался об этом наставнике своей академической молодости с благодарностью, став его преемником на кафедре словесности. Профессор Порфирьев был лучшим его студентом, и им самим [Протопоповым] рекомендован на кафедру словесности в 1848 году, которую ему самому пришлось покинуть как кафедру светскую, по случаю своего пострижения в монашество.

О. Серафим (Протопопов) - первый основатель научного преподавания этого предмета в Академии» (3).

Иван Яковлевич Порфирьев родился в 1823 году в семье сельского священника Вятской губернии. Духовное образование получил в Вятской семинарии и Казанской Академии, которой посвятил 42 года своей жизни. С 1855 по 1858 годы он заведовал Соловецкой библиотекой, а с 1858 года — служил библиотекарем главной академической библиотеки. «В академии он был самым старейшим профессором, почти ровесником самой Академии, лучшим представителем ее духа и носителем ее исторических преданий, пользовался в ней всеобщим уважением, хотя по своей скромности и никогда не пытался выдвигаться из других и пользоваться своим авторитетом. В следствие той же скромности он уклонялся от разных связей и известности в ученом мире и до конца жизни дер-

жался каким-то безызвестным провинциальным ученым. Собратья его по науке узнали его лично только на археологическом съезде в Казани в 1877 году, в котором он принимал активное участие как депутат из Академии. В 1878 году ему дана была степень доктора за капитальное сочинение о древних апокрифах, касательно ветхозаветных лиц и событий, плод его долговременных занятий рукописями Соловецкой библиотеки, а Академия наук избрала его в звании члена-корреспондента, по отделению русского языка и словесности», — писал П.В. Знаменский (4).

Этим летом мне посчастливилось побывать на Соловецких островах. Для нас остров связан, прежде всего, с историей уничтожения «цвета» русских людей в устроенном в Соловецком монастыре лагере ОГПУ особого назначения (СЛОН). В одном из сохранившихся бараков находится Музей ГУЛАГа, где испытываешь самые тревожные чувства...

На острове в киоске был куплен объемный том — «Книжные центры Древней Руси. Книжное наследство Соловецкого монастыря» (СПб, Наука, 2010 г.) В каждой статье этого академического сборника были ссылки на работу «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии», выполненную в 1885 году казанскими учеными И.Я. Порфирьевым, А.В. Вадковским и Н.Ф. Красносельцевым. Никог-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Библиотека Соловецкого монастыря. 1888 год

да не предполагала, что встречу следы своего прадеда именно на Соловках!

Каким же образом попали книги из Соловецкого монастыря в Казанскую духовную академию, и какую роль в жизни Казанской академии они сыграли?

Соловецкий монастырь был не только духовным, но и крупнейшим культурным центром. Он обладал одной из лучших в те времена библиотек, где хранились, переписывались и создавались новые произведения. Здесь трудились такие выдающиеся писатели-книжники, постриженники Соловецкого монастыря, как игумен Досифей, инициатор составления в начале XVI века жития преподобных Зо-

симы и Савватия, священноинок Сергей (Шелонин), живший в монастыре в 1619-1664 годах (исследованием его трудов ученые занимаются уже более 100 лет), инок Епифаний и др. Книжный знак соловецкой библиотеки считается первым экслибрисом в России. «Досифей вложил в свой монастырь более четырех десятков, либо принадлежавших ему, либо специально переписанных, либо переплетенных по его заказу, рукописей. В значительной степени его трудами находящийся на самом краю обитаемого света Соловецкий монастырь уже в конце XV - начале XVI в. стал обладать одним из самых богатых древнерусских книжных собраний...» (5).

Одним из самых трагических периодов монастырской истории

по праву считается время Соловецкого сидения (1668 — 1676). Бунт братии, несогласной с церковными реформами патриарха Никона, вылился в противостояние царскому войску, что привело к значительным человеческим, а также ослабило духовные традиции островного монастыря.

Вторая осада Соловецкого кремля была предпринята англичанами в Крымскую войну. Архимандрит Александр с Божьей помощью отразил атаку неприятеля, почти не имея вооружения и солдат. Монастырские стены не подвели. Но до осады кремля ценнейшие книги Соловецкой библиотеки были вывезены на материк.

В 1855 году Соловецкая библиотека прибыла в Казанскую академию. Она включала 1513 рукописей и 83 книжных тома. С этого времени Казанская духовная академия становится центром для изучения раскола Церкви и борьбы со старообрядчеством в Поволжье. С 1856 года И.Я. Порфирьев, назначенный библиотекарем Соловецкой библиотеки, одним из первых стал изучать ее рукописи, стал специально заниматься историей древнерусской литературы.

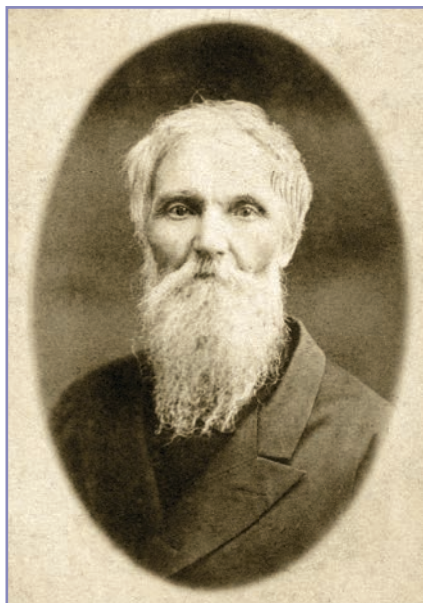
В 1871 году Священный Синод назначил ему 500-рублевую премию за 1 том его «Истории русской словесности. Древнейший период». На страницах

«Православного собеседника» им были опубликованы сочинения Максима Грека, Иосифа Волоцкого, древнерусские поучения и др. Его работы «Апокрифические сказания о ветхозаветных и новозаветных лицах по Соловецким рукописям» были опубликованы в Санкт-Петербурге, а в наше время переизданы репринтным изданием.

Оценить прекрасный литературный дар Ивана Яковлевича Порфирьева смогли читатели возобновленного «Православного собеседника» в 2005 году. Воспоминания И.Я. Порфирьева о годах юности были изданы через 100 лет после их написания. Совмещать научную и педагогическую работу с обязанностями библиотекаря было очень трудно. Тем более что библиотекарю приходилось нести материальную ответственность за утерю книг и небрежное к ним отношение. Об этом свидетельствует донесение в Правление академии профессора Гордия Семеновича Саблукова, сохранившееся в семейном архиве Порфирьевых.

«В исполнение журнального определения Академического Правления от 14 августа 1861 года ст. XII, сообщенного мне в выписке от августа за N 346, честь имею донести Правлению, что Библиотека фундаментальная и учебная, также и кабинеты мною были поверяемы с каталогами книг и рукописей, и вещи, значащаяся в каталогах и описях, состоят налицо, за ис-

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Гордий Семенович Саблуков Петр Васильевич Знаменский

ключением некоторых, выданных Наставникам и Студентам под их расписку. К сему, честь имею, присовокупить, что

А. Некоторые книги из фундаментальной Академич[еской] Библиотеки окончившими в прошлом 1860 году курс наук воспитанниками Академии еще не возвращены в Библиотеку, что в этой Библиотеке много книг не переплетены.

Б. В учебной Библиотеке следующие книги, по ветхости, сделались негодными к употреблению:

1) Библейские истории преосв. Филарета — 2 экземпляра.

2) Церковной истории преосв. Иннокентия — 2 экземпляра.

3) Латинского лексикона Крочеберга — 2 экземпляра

4) Французская грамматика Перелогова — 3 экземпляра

5) Немецкой грамматики Гаке — 4 экземпляра.

6) Немецкой хрестоматии Кораблета — 4 экземпляра.

7) Немецкого лексикона Аделунга — 2 экземпляра.

В. В физическом кабинете следующие инструменты, повредившиеся при употреблении их для опытов, требуют поправки:

Барометр под N 98,

Геронов фонтан N44

Магдебургские полушария N35

Водяная сирена N57,

Веци под N47 — шесть барабанчиков, 179 — шесть фунтов чистой ртути и 183 — около 30 безымянных химических веществ, — назначенные для производства

физических опытов, при производстве опытов утраченных.

Профессор КДАК.
Гордый Саблуков» (6).

О преподавателе Саратовской семинарии Гордии Семеновиче Саблукове узнали в Казани, когда он представил на конкурс свой перевод Утрени на татарский язык. С 1847 года при Казанской духовной академии существовал комитет по переводу Евангелия и православных богослужебных книг на татарский язык. Н.И. Ильминский нашел перевод очень удовлетворительным и подал ректору академии, Архимандриту Григорию, мысль вызвать Саблукова в Казань. В 1849 году Г.С. Саблуков был приглашен в Казань преподавателем греческого языка в Академии и татарского языка — в семинарии. Одновременно он стал членом комитета для перевода на татарский язык богослужебных книг, которым руководил Казем-Бек.

В Академии Г.С. Саблуков проработал 13 лет и в 1862 году подал прошение об отставке.

В связи с выходом Саблукова на пенсию в семейном архиве Порфирьевых хранится примечательная переписка с Обер-прокурором Святейшего Синода Алексеем Петровичем Ахматовым.

Высокое начальство, ценя исключительные заслуги Саблу-

кова на научном, преподавательском и миссионерском поприще, предлагало ему занять место преподавателя во вновь открытом миссионерском институте в селе Грузино Новгородской губернии. Вот ответ Гордия Семеновича:

Ваше
Высокопревосходительство!

Заботливая попечительность Вашего Высокопревосходительства о поддержании, оживлении наук, в деле которой я имел счастье несколько времени трудиться при Казанской Академии, и благовольтельное внимание Вашего Высокопревосходительства к моей посильной службе, обязывают меня к той откровенности, какую Вы желаете видеть в моем ответе. Эта откровенность тем более во мне пряма, что в моем приемнике наука приобретет, как я уверяю себя, лучшего деятеля, чем был я.

После подачи мной прошения об увольнении меня Его Высокопревосходительству Обер-прокурору Святейшего Синода, Алексею Петровичу Ахматову, ректор Академии пригласил на место меня Н.И. Ильминского, того самого, которого начальство готовило для кафедры по миссионерско-мохаммеданской науке в Казанской Академии, и который ныне в Казанском Университете состоит на должности преподавателя Турецко-Татарского языка. Даровитость Г. Н. И. Ильминского, обширные знания в магометанской науке, известные из многих ученых трудов его, полное обладание языками, какие на этой должности потребны, обещают в нем такого

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

деятели в Академии, какого начальство хотело видеть на этой кафедре.

Для успехов науки я всегда уклонялся в сторону расчета моей личной выгоды: не отступаю и в настоящее время от этого правила в моей деятельности. Вашему Высокопревосходительству мой ответ на приглашение принять меня на преподавательскую должность в миссионерском институте, который имеет быть открыт в селе Грузино. Вновь открываемое учебное заведение требует деятелей с силами свежими, энергичными, а я уже близок к шестидесяти летам моей жизни. Чувствую, что на этом поприще менее буду полезен, чем молодые деятели. Правлению Казанской Академии известны по способности к такому служению некоторые из молодых людей, оказавших в науках по мохаммеданско-миссионерскому отделению очень удовлетворительные сведения. Наука, если на них падет выбор, приобретет надежных деятелей.

Удаляясь с поприща моей наставнической жизни, имею, думаю, правдивое убеждение предоставить его лучшим, нежели я, при настоящих моих силах, деятелям, которые, надеюсь, будут вполне соответствовать благим желаниям Вашего Высокопревосходительства.

С глубоким высокопочитанием
имею честь быть
Вашего
Высокопревосходительства
Милостивого Государя
покорнейшим слугою
Профессор Каз. Дух. Академии
Гордый Саблуков. (7)

В надгробном слове профессор Казанской духовной академии Михаил Михайлович Зефирова отдал дань высочайшим душевным качествам Гордия Семеновича: «Строгий к себе, он был снисходителен к другим. Кротость и благодать сердечная проникала все его нравственное существо. Скромность его простиралась до застенчивости. В его обычном смирении чуялась редкая высота души. От всего его существа веяло благоуханием непорочной совести, чистоты и ясности сердечной. Бывало нередко, слушая его, смотря на его доброе лицо, припоминая его прошлое и при этом постигая мыслью весь строй его душевный, чувствуешь невольное желание броситься к нему, обнять его, поклониться ему. Да, он был праведник» (8). Гордий Семенович Саблуков был одним из жертвователей книг для библиотеки Академии.

Профессор, доктор церковной истории Петр Васильевич Знаменский в 1862 году стал заведовать библиотекой Соловецкого монастыря, которая существовала отдельно, внутри фундаментальной академической библиотеки. В 1875 году И.Я. Порфирьев отказался от председательства в комиссии по описанию рукописей Соловецкой библиотеки, предоставив эту честь профессору П.В. Знаменскому. Были составлены подробные описания к 700 рукописям и издан трехтомник.

Талантливый человек, математик, художник, писатель,

историк П.В. Знаменский известен, прежде всего, как автор «Истории Казанской духовной академии» в 3-х томах (Казань, 1891 г.), прекрасного литературного произведения, написанного им к 50-летию КДА.

Петр Васильевич отдал 36 лет своей жизни Казанской духовной академии, но выйдя на пенсию, продолжал быть членом академической семьи. Библиотека Академии пополнилась тысячами редких книг из библиотеки П.В. Знаменского, которые он при жизни передал для нее. Его научный труд «Руководство к русской церковной истории» многократно переиздавался и является одним из лучших пособий по истории православия. В 1892 П.В. Знаменский был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук и профессором истории Казанского Университета.

Петр Васильевич Знаменский, человек исключительного благородства, доброты оставил на страницах его «Истории Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы)» великолепные зарисовки академической жизни и портреты прекрасных ее служителей.

Сергей Алексеевич Терновский в своей «Исторической записке о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1970-1892» писал: «В 1881 году Архимандрит Соловецкого

монастыря возбудил ходатайство о возвращении в монастырь некоторых рукописей библиотеки Соловецкого монастыря. Совет академии поручил по этому поводу комиссии по описанию Соловецкой библиотеки дать отзыв, какие рукописи из числа просимых Соловецким монастырем могут быть возвращены в монастырь без чувствительного ущерба для научных интересов академии, согласно обстоятельному отзыву комиссии, нашел возможным, с утверждения Св. Синода, возвратить Соловецкой обители 31 рукопись XV-XVIII вв.» (9)

Служба в академической библиотеке была почетным, но трудным занятием. С каждым годом увеличивалось число дарителей, библиотека разрасталась, пополняясь ценными книгами. Должность библиотекаря Академии после П.В. Знаменского по очереди занимали преподаватель математики В.С. Братолобов (с 1870 по 1877), бывший секретарь правления А.Е. Заблоцкий (с 1877 по 1882) и бывший помощник библиотекаря Ф.И. Троицкий. Федор Иванович Троицкий, занимавший эту должность с 1879 года, был последним библиотекарем до закрытия Академии, когда его разбил паралич, и он был увезен родственниками на родину, скончался в 1924 году.

Материальный вопрос о недостаточности сумм, отпускаемых для пополнения библиотеки, всегда стоял в Академии остро. Потребность в книгах была велика

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

Иван Михайлович Покровский

и у студентов, и у преподавателей, книги были дороги. Командированные за границу преподаватели привозили книги по разным отделам, особенно много было куплено книг арабских, по мусульманскому богословию профессором Н.И. Ильминским. Библиотекарь выписывал и приобретал книги через казанского книгопродавца А.А. Дубровина, рижского — Киммеля и лейпцигского книгопродавца Генриха.

К 1917 году библиотека академии насчитывала более 150 тысяч томов. Двухсветный, со вторым ярусом библиотечный зал КДА был великолепен, все книги находились в дубовых шкафах, были систематизированы и носили изящный инвентарный знак — К.Д.А.

После революции было упразднено много государственных учреждений, их архивы были буквально выброшены на улицу или сожжены (как архив Загородного Архиерейского дома). В 1919 году, когда формально Духовная академия не была еще закрыта, в здании бывшей библиотеки была развернута работа по спасению Казанских архивов. При уходе из Казани Чехословацкого батальона в 1918 году, профессору КДА Ивану Михайловичу Покровскому удалось отстоять здание библиотеки от вселения в него красноармейцев, наступавших с Арского поля, три дня подряд он проверял замки, т. к. ключи от библиотеки были не сразу обнаружены. Итак, Иван Михайлович стал хранителем библиотеки. Вместе с сыном Петром Иван Михайлович лопатой из-под снега вытаскивал архивные дела, книги и печатные издания, свозил их в закрытое помещение и налаживал их охрану. Здание Академии неоднократно обыскивалось на предмет хранения в нем оружия. Под руководством И.М. Покровского как заведующего Губархива, вечерами в Академию приходили профессора Университета, сделавшиеся штатными и нештатными работниками Центрархива, в голоде и холоде разбирали, описывали и научно обследовали рукописи и книги (10).

Так, потерявший работу в Университете, филолог, страстный библиофил Нестор Мемно-

нович Петровский все свободное время отдает работе со старинными рукописями Соловецкого монастыря.

В письме от 5 мая 1920 года А.А. Шахматову: «Нашел Новгородскую летопись весьма позднего происхождения». (11)

Сын профессора И.Я. Порфирьева, ученый архивист Сергей Иванович Порфирьев, вернувшийся из Москвы, где работал в Архиве Министерства Юстиции (ныне РГАДА) — все вечера проводил в академии за разбором рукописей.

О полноте библиотеки и разносторонних научных интересах ее посетителей можно судить из заявления И.М. Покровского в Центральный архив ТАССР:

«К сожалению, я не могу припомнить и назвать всех научных работников <> Все же многих из них я помню, помню и вопросы, по которым они работали в Рукописном Отделении и по печатным изданиям, хранившимся в Библиотеке. Назову их: П.И. Луилов, преподаватель Вятского Педагогического института, он работал по истории Вятского края; профессор Пермского Университета А.А. Савич по вопросу о хозяйстве северных монастырей, в частности, Соловецкого монастыря; профессор Иркутского Университета Манасеин по вопросу о Стоглавом Соборе на основании рукописей Соловецкого Соборания NN932 и 993; профессор Самарского Университета А.С. Баи-

киров - по вопросу о миниатюрах по соловецким лицевым рукописям и по рукописям с Заставками и Концовками. По аналогичным вопросам работал молодой преподаватель Археологического Института при Московском Университете И.В. Алпатов, он изучал древне-русские миниатюры и заставки по рукописям Соловецкого и др. собраний.

Из казанских научных работников - профессор Восточно - Педагогического института М.А. Васильев - по памятникам древней литературной и апокрифической письменности, Г.С. Губайдуллин - по библиографии о татарах, Г.М. Залкинд - о раскольничьих и сектантских стихах и об отпадении татар от христианства, Е.И. Чернышев, впоследствии Управляющий Татцентрархивом, изучал Курмышскую писцовую книгу. Последним из них при мне работал известный казанский экономист Д.П. Арцыбашев, который вместе со мной наметил план по разработке социально - экономического прошлого г. Свияжска...» (12)

С 60-х годов XIX века в библиотеке существовала книга посетителей. При расписке читатели выражали свое впечатление и указывали, что особенно ценного они нашли здесь. В свое время в библиотеке работали В.О. Ключевский, В.В. Стасов и многие другие историки.

Когда библиотека перестает существовать как единое целое, расформировывается — это большая культурная потеря. И в

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

советское время Казань потеряла богатейшее книжное собрание — Библиотеку Казанской духовной академии.

Имена же ученых Казанской духовной академии остаются в книжной истории. Их жизнь является поразительным примером стойкости, бескорыстия и духовности. Сама же история Акаде-

мии «затонула», как невидимый град Китеж. И как писал профессор П.В. Знаменский в своем прекрасном труде «История Казанской духовной академии, *«время — это настолько уже далеко от нас, что мы имеем, кажется, полную возможность взглянуть на него с настоящей исторической точки зрения»* (13).

Преподаватели Казанской духовной академии.
Фото из семейного архива О.В. Тропольской. Публикуется впервые

1-й ряд: второй слева - Николай Фомич Красносельцев
2-й ряд: первый (слева) Петр Васильевич Знаменский, пятый - Иван Петрович Гвоздев, шестой - Иван Яковлевич Порфирьев
3-й ряд: третий слева - Алексей Степанович Бердников,
пятый - Николай Иванович Ивановский (предположительно)

Примечания:

1. НА РТ, фонд 10, оп. 1, дело 61. «ДЕЛО 1842 г. об учреждении и открытии Казанской Духовной Академии».
2. НА РТ, фонд 10, оп. 1, дело 74, НА РТ, фонд 10, оп.,1, дело 7.
3. Знаменский П.В. «История Казанской Духовной академии» Казань, 1891 г., С -53 -59.
4. Знаменский П.В. «История Казанской Духовной академии», Казань, 1891 г. С. - 53 -59.
5. Бобров А. Г. «К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого». «Книжные центры Древней Руси», СПб, 2010. С - 57.
6. Рукопись Саблукова Г.С. Семейный архив Порфирьевых.
7. Рукопись Саблукова Г.С. Семейный архив Порфирьевых.
8. Некролог Саблукова Г.С. Речь проф. Зефирова М.М. Семейный архив Порфирьевых.
9. Терновский С.А. «Историческая записка о состоянии Казанской Духовной академии 1870 - 1892 », Казань, 1892, С-153-154.
10. Рукопись Покровского И.М. Семейный архив Троепольской О. В.
11. «О моих предках». Документированный рассказ М.Н. Петровской, М., 1990 - 93 г. ОРР НБЛ ПФУ, ед. хр. 10007 - 10009.
12. Заявление Покровского И.М. в Центральный архив ТССР, Казань 1928 г. Рукопись из семейного архива Троепольской О.В.
13. Знаменский П.В. «История Казанской Духовной академии», Казань, 1891 г., С - V -X.

Их имена малоизвестны нашим современникам, хотя они составляли славу отечественной филологической науки, исторической, богословской, философской...

...Ну, что же, станем в сторонку и предоставим им идти навстречу своей судьбе. Вряд ли можно повстречать что-нибудь более опасное, чем собственная судьба!

Вам может встретиться картофельное поле или грядки клубники — особого вреда от этого не будет. Встречая друга, вы можете выбежать на балкон и все же остаться в живых, если только вы живете не в новых домах, построенных по контракту без главного производителя работ.

Но если вы повстречаетесь со своей судьбой, то все последствия такой встречи падут на вашу голову

Льюис Кэрролл. «Логическая игра»

«Людам во время их земной жизни даются различные положения непостижимой судьбой... Все эти положения не случайны: их, как задачи к решению, как уроки для работы, распределяет Промысл Божий с тем, чтобы каждый человек в положении, в которое он поставлен, исполняя волю Божию, выработал свое спасение».

Святитель Игнатий Брянчанинов

Раурский
Альманах

Андрей Владимирович Рощектаев

кандидат исторических наук,
член Союза российских писателей,
церковный историк,
экскурсовод

Гоголь и Православие

В истории каждой культуры есть свои знаковые фигуры – выразители самой сути той общности, к которой они принадлежат. Гоголь принадлежит к общности, которую правильней назвать и не Украиной, и не Россией, а Святой Русью. Термин этот от неправильного употребления, к сожалению, затаскан и стал уже штампом. Когда духовное пытаются низводить до земного, ясно, что ничего хорошего из этого не получится. В сущности, Святая Русь – это как «идеальная жидкость» или «идеальный газ»: вроде, есть, а в природе никто не видел... а все равно без нее никуда!

Гоголь — *видел*, причем, без всяких усилий. Когда его запорожские казаки умирают со словами: «Пусть же красуется вечно любимая Христом Русская земля», — в этом нет ни капли натяжки, исторической неубедительности — ничего того, что я назвал бы языческим патриотизмом (проще говоря — шовинизмом).

Патриотизм без Бога — не патриотизм, а язычество... как правило, озлобленное из-за потаенного чувства собственной ущербности. Страна без Бога — не страна, а географическое пространство. Пустое.

Именно естественное, то есть когда без малейшей натяжки! Употребление словосочетания «Любимая Христом Русская земля» (причем, только если все четыре слова — ключевые) и может служить определением, что такое Святая Русь. Это, если угодно — символ веры Гоголя.

Думаю, в жизни и творчестве Гоголя был период, когда он это «знал, не зная» (все дышим воздухом, не задумываемся, а получается, вроде, замечательно!), и период осмысления того, что знал давно. С художественной точки зрения, последнее — не только не обязательно, но даже... заведомо проигрышно. Стоит ли под любовь подводить теорию? Стоит ли теоретически — о дыхании?

«Выбранные места из переписки с друзьями» — книга, заранее обреченная на то, чтоб ей интересовались единицы. Но мир из единиц состоит! Одной из этих единиц был сам Гоголь. Похоже, книга была нужна, в первую очередь, ему самому, а уже потом... всем, кто захочет понять.

Белинский — не захотел, только сильно разругался... ну, и Бог с ним. Мы, в отличие от «неистового Виссариона», о счастливых революциях и прекрасных гильотинах уже не мечтаем (Иосиф Виссарионович, наверное, сделал прививку), поэтому хотя бы выбранные места из «Выбранных мест» можем рассмотреть непредвзято.

Надо представлять себе, что это была за эпоха! Против чего, предвидя беду над всем миром, наивно, но решительно выступил почти никем тогда не понятый Гоголь! Почти год в год с его «Выбранными местами...» писался «Манифест коммунистической партии». «Призрак», и правда, бродил по Европе — пострашнее гоголевских виев. Зомбированная революционно-демократическая интеллигенция во всех странах бредила революцией, готовясь принести в жертву Молоху «прогресса» миллионы жизней... Церковь и вера были изначально главной мишенью псевдо-гуманистов. Идее разрушения всего и вся, но в первую очередь Христианства,

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

а вовсе не крепостного права, которое было лишь поводом! Гоголь пытался противопоставить простейший принцип: «Каждому на своем месте делать добро».

«Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол» (см. «Выбранные места», письмо II).

Рецепт христианского смирения не работает, если предлагать его людям заведомо несмирным. Наивность «Выбранных мест...», ставшая причиной трагического непонимания Гоголя современниками и потомками — вовсе не в самом рецепте, а в том, кому и когда он его предлагал. Гоголь был тогда уже человеком «не от мира сего» («Царство Мое не от мира сего» — Ин. 18, 36), и «мир» это могло только раздражать, а не вразумлять. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19).

Все же Гоголь, в первую очередь — не теоретик, а художник. Великий художник! А значит, верующий художник: это почти синонимы. Как любил говорить мудрейший человек из моих знакомых, поэт, философ Виль Мустафин (недавно скончавшийся, Царство ему Небесное!): «Подлинная, глубокая литература

рождается только в лоне веры». Творчество Гоголя — ярчайшая иллюстрация этого постулата, этой максимы.

Был ли Гоголь верующим всегда — или только к концу жизни? Почти исчерпывающий ответ: он родился на Украине. Кто хоть немного представляет себе историю и культуру этого края, поймет все с одной фразы.

Гоголь — плоть от плоти той «Украины», которая родилась, осознала себя и с кровью выделалась из Речи Посполитой по единственной причине, имя которой — Православие. Если бы этим людям дали спокойно пребывать в Православии, без католического и униатского произвола, без издевательства над их верой, — Речь Посполитая, несомненно, осталась бы цела, а запорожское казачество так же служило бы польскому «кравлю», как донское, кубанское или уральское — русскому царю.

Гоголь чувствовал эту трепетную, живую связь своей «малой» родины с Православием особенно остро — и в течение всей жизни. «Тарас Бульба» — это, в отличие от «Выбранных мест...» уже (еще) не теория, а живая картина его мировоззрения, впитанного с молоком матери. От самого Николая Васильевича, в отличие от поколений XVII века, уже не требовалось умирать за веру — а вот жить верой... ею жил весь его народ! Веровать

потому, что ты живешь — самая простая и одновременно самая сложная вещь. Как мы сказали бы сейчас: «феномен народного сознания».

Я не пытаюсь что-либо идеализировать. Разумеется, народная вера никогда не обходится без примеси язычества (собственно, это даже почти тавтология: «язык» и есть «народ»). Эта православно-языческая смесь ярчайшим образом, как ни у кого другого в литературе, проявляется во всем раннем творчестве Гоголя.

Он с детства панически боялся нечистой силы... Но кто же ее не боялся! Есть Бог — есть и лукавый. Интеллигентско-гуманистические умозрительные рассуждения «есть ли в мире персонифицированное зло?» — актуальны для кого угодно, только не для Гоголя. Он с детства знал на практике, что — есть... как знал это любой хуторянин... как знает это любой деревенский житель в наше время.

Болезненный интерес к тому, чего боишься — тоже особенность народного сознания. Правда, у Гоголя, к большому несчастью для его личной судьбы, этот интерес приобрел гипертрофированный характер. Несомненно, под влиянием болезни — особого креста, который он нес всю жизнь.

И все же не «Вий», не «Пропавшая грамота», не «Заколдо-

ванное место», не «Ночь перед Рождеством» сыграли роковую и трагическую роль в судьбе Гоголя. Самое нехристианское и, пожалуй, единственное действительно страшное его произведение — «Страшная месть». Сказ о великом грешнике, колдуне... А в сущности, вовсе не о нем, а о боге-чудовище, предопределившем и появление этого грешника в конце жуткой цепочки воздаяний, и — его конечную участь, которой тот не мог отвлечь даже отчаянной попыткой покаяния...

Но и к этому безотраднейшему произведению мировой литературы можно, взглянув под иным углом, отнестись как к бессознательному доказательству от противного, что Бог есть Любовь. Если бы Он не был Любовь, то был бы вот таким, а таким не принимает его наше сердце! Значит, это не Бог, а — сатана, принятый какими-то неумными людьми за бога. «Страшная месть» — это точный художественный портрет протестантского учения о «предопределении», только доведенного до абсурда, то есть до логически последовательного конца.

Настоящий гений, по определению, всегда перерастает себя: в произведениях его присутствует более глубокий смысл, чем он сам сознательно вкладывал...

И все же такие «шутки» с нечистой силой всегда чреватые...

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

так что под конец жизни Гоголю и вправду было в чем каяться. «Соотечественники! страшно!..» — эти слова недаром вырвались у него в духовном завещании при мысли о близости кончины и суда Божьего. Чувство страшной ответственности Писателя за каждое слово явилось к нему с годами, с обретением мудрости — было глубоко выстрадано, в самом прямом смысле. В сущности, не только его творчество, но и сама жизнь, которая есть сотворчество Бога и человека, — ярчайшее «опровержение заранее» современной литературной ереси постмодернизма. Согласно ей, нравственность в искусстве якобы не играет никакой роли — было бы стильно... Гоголь, более чем кто-либо другой, еще при жизни пострадал за грехи против Слова. Сожженные рукописи — плод его покаяния, а завещание всем творческим людям — письмо «О том, что такое слово» (гл. IV «Выбранных мест из переписки с друзьями»): «Слово гнило да не исходит из уст ваших...»

С «народной» веры предстояло еще счищать и счищать шелуху, чтобы в итоге явилась и кристаллизовалась вера подлинная. Нужно было искушение мышиною возней чиновничества, рано пришедшей славой, высшим светом, Петербургом. Петербургом в смысле нарицательном: Петербургом — как образом жизни. От острого ощущения фальши, этого искусственного мира, «но-

вого Вавилона», сугубого удела князя мира сего, рождаются новые гоголевские фантазмагории: здесь носы важнее их носителей, портреты «живее» людей, люди, теряя шинель, теряют смысл жизни, а осознав себя королями, попадают в единственно доступное им королевство — сумасшедший дом...

Возвращение Человека из этого иллюзорного сатанинского мира к своему подлинному я («возвращение в свою Италию») явственно просматривается в повести «Рим» (1841 г.) Это начало духовного обновления Гоголя, воскрешения его души.

«Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн и долго молился, сам не зная за что: молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, — и молитва эта, верно, была лучшая».

Так вот что это такое — Церковь: подлинная Родина, куда возвращаются заблудшие люди после долгих скитаний! До публикации «Выбранных мест...» остается еще несколько лет, но перед нами в «Риме» — уже вполне сложившийся мыслитель: не просто глубоко верующий, но глубоко осознавший, осмысливший свою веру человек, практически в возрасте Христа.

«Пребывание вне Италии, ввиду шума и движения действующих народов и государств, служило ему строгой проверкой всех выводов, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу».

Эти слова, написанные о герое — молодом итальянском князе, возвращающемся на древнюю Родину из «модной» Франции, — более, чем к кому-либо, можно отнести к самому Гоголю. Вера Народа способна воскрешать к жизни заблудившегося Человека. Счастье, что Народ еще сохранил Веру: «Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшие бы в других местах разврат, почти не действуют на него: он умеет отделить религию от лицемерных исполнителей и не заразиться холодной мыслью неверия».

Забегая в наше время, как хотелось бы от себя помолиться, чтоб простейший «рецепт Гоголя» дошел до наших искушенных душ. Действительно, что может быть важнее сейчас — среди девятого вала растиражированных в прессе материалов о подлинных и мнимых «грехах» Церкви, — чем сохранить это «умение отделить религию от лицемерных исполнителей» и не впасть в неверие. Увы, эта самоочевидная мудрость не доходит до умов «мудрых»!

Гоголь в своем «Риме» поднимается местами, может быть,

неожиданно для себя, до уровня пророка: «Не оттого ли сей равнодушный хлад, обнимающий нынешний век, торговый, низкий расчет, ранняя притупленность еще не успевших развиться и возникнуть чувств? Иконы вынесли из храма — и храм уже не храм, летучие мыши и злые духи обитают в нем». Великолечно сказано. Вспоминается гоголевский же «Вий», и там чудища в храме — не сокрытый ли прообраз чего-то грядущего, страшного?. Осквернены уже «летучими мышами и злыми духами» храмы наших душ: икону Христа вынесли из них...

Гоголь предвосхитил свой век. В западноевропейской художественной литературе сказал о том же, почти теми же словами, тоже исключительно часто обращаясь к символике оскверненного храма, — лишь Сент-Экзюпери столетие спустя. Кстати, очень советую всем желающим для интереса сравнить их философские тексты — обнаружите поразительные параллели, которые могут очень удивить и знатоков творчества Гоголя, и знатоков наследия Экзюпери (см. у последнего «Цитадель», «Планета людей» и особенно — философские выводы в конце повести «Военный летчик»).

«В такую торжественную минуту он [князь] примирялся с разрушением своего отечества, и зрелись тогда ему во всем зародыши вечной жиз-

«...Мы должны быть Церковью наша и нами же должны возвестить ее правду...»

ни, вечно лучшего будущего, которое вечно готовит миру его вечный Творец».

Сколько раз повторено одно ключевое слово! Разумеется, не от небрежности величайшего стилиста во всей русской литературе. Опять-таки совпадение: Экзюпери главные философские выводы делает именно на фоне «разрушения своего отечества» — катастрофы Франции 1940 года, — через осмысление духовных и только духовных причин этой катастрофы. И в его «Военном летчике» красной нитью — прозрение все тех же «зародышей вечной жизни». Нет, это, разумеется, не влияние Гоголя на Сент-Экзюпери. Это — влияние на них обоих Христианства именно как религии Воскресения.

Думаю, нет и нужды говорить, что Италия в «римских» откровениях Гоголя — эвфемизм: речь идет о России, а еще точнее — о Святой Руси.

Вера «позднего» Гоголя многим кажется со стороны фанатичной, суровой, какой-то почти ветхозаветной — верой без любви... И это думают — о человеке, который написал в завещании:

«Соотечественники!.. не знаю и не умею, как вас назвать в эту минуту. Прочь пустое приличие! Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не высказы-

вают, которую мне дал Бог, за которую благодарю его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение...»

Сравните со знаменитыми словами Бульбы перед боем: «Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может!»

Любовь эта простирается на весь мир и всему миру желает спасения:

«Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру: чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась и всюду была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами!»

«Тарас Бульба».

Герои Гоголя, даже, казалось бы, самые «непохожие» на него... все же в чем-то сокровенном на него похожи. Это один из секретов того, почему ни один из них не вызывает настоящей антипатии.

Да, одна из главных особенностей творчества Гоголя — отсутствие персонажей глубоко отвратных, то есть вызывающих резко негативные эмоции у чита-

телей. Формально-то отрицательных персонажей — пруд пруди, перечислять устанешь! И души их, действительно, мертвы... А ведь все настолько колоритны, что в этой самой колоритности почти симпатичны. Даже Ноздрев, даже Собакевич... ну, само собой разумеется, симпатичны на расстоянии, а не то, что хочется с такими вот в жизни подружиться! Разительный контраст со всей современной Гоголю и «романтической», и «реалистической» литературой. Уж там-то злодеи так злодеи: «Придушить хочется!» — как кто-то из знакомых выразился по поводу, по-моему, отрицательных персонажей Диккенса. Или «Расстрелять!» — как сказал Алеша Карамазов про генерала, затравившего ребенка собаками.

Перед нами — чудо, сотворенное глубоко верующим художником: чудо христианского неосуждения. Показать грех, показать, что это — именно грех и ничто другое и при этом не осудить самого человека. Враг — грех в человеке, но не сам человек!

Именно это — ключ к пониманию «Ревизора» и недописанных «Мертвых душ», замысел которых, как свидетельствовал Гоголь, никто из современников не понял! Это — ключ к постижению глубокого покаянного чувства самого Николая Васильевича, прямым текстом написавшего в «Выбранных местах...», что во всех персона-

жах он выводил самого себя со своими грехами и страстями... Такое признание до сих пор кажется многим, даже совсем неглупым людям, даже знатокам гоголевского творчества, самобичеванием уже глубоко больного писателя — человека, пребывающего «не в себе». Но поразительная здравость и глубина суждений автора «Выбранных мест...» по всем вопросам (кроме сугубо хозяйственных и сугубо политических, в них он как идеалист, действительно, маловато смыслил) начисто опровергает мнение, будто бы «это писала болезнь Гоголя, а не сам Гоголь».

Когда человек, не преступник, не имеющий ярко, внешне выраженных грехов, приходит к искреннему и глубокому покаянию, людям, далеким от Церкви, это почти всегда представляется нелепым и диким. Им это кажется «религиозной манией» (Белинский) или «комплексом вины». Этот забавный, неуклюжий термин больше в ходу в наше время, когда все считают себя подкованными в психологии и очень гордятся этим. Ограниченность критиков Гоголя в том, что они не понимали самого предмета, за который его критикуют. Покаяние, как единственный путь преобразования человека и воссоединения с Богом, остается для них тайной за семью печатями. Между тем, оно — «лакмусовая бумажка» подлинности и глубины религиозного опыта.

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

Внешним поводом — но только поводом! — к переосмыслению Гоголем всей своей жизни могла быть близость смерти, о которой он пишет в первых же строках предисловия к «Выбранным местам...»:

«Я был тяжело болен; смерть уже была близко. Собравши остаток сил своих и воспользовавшись первой минутой полной трезвости моего ума, я написал духовное завещание...»

В наше время некоторые склонны считать, что это была просто ипохондрия... Но если и так, то ипохондрия — тоже болезнь, а жить Николаю Васильевичу и вправду оставалось считанные годы. Так что, в любом случае опыт близости смерти был совершенно реальным. «Память смертная» вызывает покаяние. Не надо быть богословом, чтобы понять эту очевидную вещь. Перед лицом Вечности человек переосмысливает в себе все не-вечное, наносное, преходящее.

«Не унынью должны мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте», — пишет Гоголь в «Завещании». — «За все, что ни встречается в них [моих книгах] умышленно-оскорбляющего, прошу простить

меня с тем великодушием, с каким только одна русская душа прощать способна».

И все же — не одним только самобичеванием и отвержением всего собственного наследия жил Гоголь в последние годы. Для него это — как раз не эпоха отрицания, а эпоха созидания.

Суть и смысл жизни любого человека на любом поприще он видел в том, чтоб развить в себе жажду добра, недаром данную Богом. А роль писателя — «напомнить человеку лучшее и святейшее, что есть в нем».

«Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними, иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько лицемерные или даже просто не приготовленные проповедники Бога. (...) Беда, если о предметах святых и возвышенных будет раздаваться гнилое слово, пусть уж гнилое слово лучше раздается о гнилых предметах».

Именно этой боязнью сказать по ошибке «гнилое слово» (или неточное слово от себя) объясняется компилятивность одной из лучших книг во всем творчестве Гоголя — «Размышлений о Божественной Литургии». Он суммирует в ней в кратчайшем и доступнейшем виде литургическое богословие Святых Отцов. В чем

же, спрашивается, его заслуга как автора? В отношении к тому, о чем пишет. В этом отношении — он весь! Гоголь как бы сам растворяется душой в Таинстве Жертвы Христовой, в любви к Тому, о Ком пишет. Это уже — высшая ступень творчества!

Другая вещь, не прочитав и не усвоив которую, на мой взгляд, нельзя даже думать, будто хоть чего-нибудь о Гоголе знаешь — «Несколько слов о Церкви нашей и духовенстве» (письма VIII — IX «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Цитата из этой основополагающей работы Гоголя-философа пусть послужит эпилогом и нашей статьи о нем:

«Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду. Они [критики] говорят, что Церковь наша безжизненна. — Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильным выводом: мы трупы, а не Церковь наша, и по нас они назвали и Церковь нашу трупом.(...)»

Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. У хозяина спрашивают

показать лучшую вещь в его доме, и сам хозяин не знает, где лежит она. Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, (...) и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!

Нет, храни нас Бог защищать теперь нашу Церковь! Это значит уронить ее. Только и есть для нас возможна одна пропаганда — жизнь наша».

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

**Иеромонах
Владимир
(Овчинников)****Раифская
классика****Солнечные часы**

Солнечные часы увидит в Раифском монастыре всякий гость. Даже если он чудом не столкнется с вездесущим отцом наместником, даже если не встретится с чудотворной «Грузинской» иконой Богородицы, даже если избежит осмотра роскошного убранства храмов, то все равно одиноко стоящий на площади высеченный из камня столп задерживает и тех, кто просто спешит за водой к источнику, освященному Патриархом Алексием Вторым.

Солнечные часы, как и многое в обители, имеют духовное свойство — они открывают, вынашивают особенности веры людей, в том числе и тех, которые именуют себя православными.

Солнечные часы обозначают время лучом солнечного света, что проходит сквозь крестовидную щель в вертикально стоящих металлических пластинах и ложится на горизонтальный циферблат. Все чаще приходится видеть, как граждане замирают от избытка чувств, когда возлагают сложенные горстью ладони в сию полоску света, тут царит тишина, ибо совершается таинство загадывания желаний.

Это лишь один из шагов на пути к исполнению желаний. Второй шаг они совершают за стенами монастыря, у ивы на берегу озера, на ветви которой они привязывают все, что им вздумается.

Начало сему обычаю положил один благочестивый кинорежиссер. Он снимал фильм об истории обители и захотел показать, как выглядела действовавшая за четыреста лет до этого кереметь — моельное место мариЙцев. По его просьбе один из помогавших ему насельников навязал на ветви ивы всякие лоскутки. Так началась новая жизнь керемети — уже в православии.

Солнечные часы еще выявляют науковеров — тех православных, которые любят говорить о мракобесии Церкви.

В полдень их видно издали. Они со смехом то тычут пальцем в циферблат на столпе, то указывают на часы колокольни, которые обозначают иное время, чем солнечные.

Науковеры полагают, что монахи всеми силами борются с наукой и до сих пор считают Землю плоской. Они еще не успели прочесть в Библии Третью книгу Эздры, где едва ли не впервые сказано о земном шаре.

А поскольку Земля — круглая и вертится, то во всяком месте полдень случается в свое — мест-

ное — время. И когда в Раифе или в Йошкар-Оле солнце стоит в зените, москвичи довольствуются 11 часами 20 минутами. На колокольне же время — московское.

Поскольку солнечный свет падает на циферблат сквозь прорезь в виде креста, то православные иной раз поклоняются сему кресту. И опять же открывают новенькое.

Довелось видеть, как девушка совершала поклоны, в точности копируя приветствие, которое должен воздавать чатланину пацак. Наверное, она прибыла из Курской области. Там во время Всероссийской переписи 2010 года некоторые граждане указали свою национальность — «пацак», это можно считать наивысшим достижением Георгия Данелия в смысле воздействия на умы людей фильмом «Кин-дза-дза».

Да, местные особенности православной веры существовали и существуют. Еще больше ста лет назад будущий митрополит Антоний (Храповицкий), бывший ректором Московской, а затем Казанской духовной академии цитировал письмо своего выпускника, отправленного на будущую Украину:

«Скучно здесь, нет православного русского духа; поэтому великороссу живется здесь плохо: свои напевы в церкви (говорят, Киевские), нет порядочной бани, квасу за деньги не сыщешь, да и

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

Солнечные часы в Раифском монастыре

в трактирах вместо водки подают какую-то дрянь».

Впрочем, солнечные часы открывают и лучшие стороны православной души. Многие оставляют на циферблате деньги. Металлические, понятно: чтобы ветер не сдул. Это приятно и Богу, и тем, кто сей милостыней пользуется.

В любом случае это лучше, чем пробегать три круга вокруг Троицкого собора в надежде на то, что именно такой труд заставит Бога исполнять наши желания.

Эти сограждане проявляют несколько излишнее усердие. Ведь Господь милует всякого, кто подъял на себя труд про-

“Кереметь...”

сто добраться до монастыря. И даже если кто-то из них хотя бы просто-напросто прошел мимо солнечных часов, мимо монахов, мимо храмов, мимо чудотворной иконы, мимо могильных крестов, хотя бы его православие ограничивалось местными особенностями, все равно что-то происходит с каждым...

Что-то меняется в душе каждого... Но что мы знаем достоверно о душе, о совести, о незримом небесном свете? Мы живем пока на земле, под солнцем, хотя и под Богом.

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

Конфеты для монахов

Он позвонил мне по сотовой связи уже из Иерусалима, звук то и дело пропадал, посему не ручаюсь за точность пересказа. А когда он вернулся в Раифу, мы уже не возвращались к разговору о его восхождении на гору Синай, сами поймете — почему.

— Да, мы оба поднялись на Синай... По монашеской тропе, она самая короткая, но очень, очень крутая... Да-да, точно — три тысячи сто ступеней, так пишут... Но я не считал — зачем? Да и все равно очень уж круто...

Информация к размышлению: есть длинная, более пологая тропа. Местные арабы предлагают донести на верблюдах. Эти бедуины называют себя ромеями — «римлянами», — ибо их предки были переселены сюда для обслуживания монахов, в том числе и Раифской Лавры, из Византии по указу императора Юстиниана.

— С нами пошел отец из монастыря святой Екатерины, с ключами от храма на вершине горы... Помните, именно там монахи нашли мощи святой Екатерины, их перенесли ангелы?... Да, это церковь Святой Троицы... Мы решили взойти засветло, переночевать в церкви и встретить рассвет...

Информация к размышлению: обычай встречать рассвет

на «горе Моисея» придумали для развлечения и привлечения туристов, которые ежедневно десятками или сотнями грядут сюда, в основном, из Шарм-эш-Шейха.

— Да, устал очень... Пишут... Да, читал, что монахи испытывают духовный подъем... Помните, полагают, что преподобный Иоанн Лествичник для написания «Лествицы» с ее тридцатью ступенями взял за образец этот путь... Да, конечно, «Лествица» — это про путь в Царство Небесное... Но если бы здесь было всего тридцать ступеней, мы бы не взошли! Да, тропа на Небо еще круче...

Информация к размышлению: строго говоря, «Лествица» — это вовсе не книга, а письмо, ответ на письмо Иоанна, игумена Раифского, от Иоанна, игумена Синайского.

— Нет, не выспались... Ну, как назвать причину — духовная или не духовная... Вот, сами судите. Мы улеглись на каменный пол, рюкзаки под голову... То ли спал, то ли нет... Слышу, вроде, мышшь попискивает, бегаешь по камню... Потом — бумага шуршит... Думаю: может, у нас из рюкзаков что-то вытаскивают? Нет, точно, нет у нас ничего бумажного... Ни у кого нет... А прямо под ухом шуршит! Не выдержал, спрашиваю отцов, слышат ли они шорох. А то, может, наваждение...

— Да, отозвались. Тоже не возьмут в толк, чем тут шуршать. А темно ведь, и фонарика нет. Сначала шуршало возле одного, потом около второго, третьего... Да так долго, будто не просто по бумажкам бегают мышь, а чем-то занимается...

— Конечно, ждали, пока рассветет. Тут ведь ночи короткие, не как там у нас. Огляделись, не поверили глазам! Возле головы каждого из нас на полу лежит шоколадной конфете! И каждая лежит на развернутом фантике! И мы опять же выяснили: ни у кого из нас никаких конфет не было...

— Вот я и говорю! Понятно, когда мыши воруют еду. А тут они, наоборот, принесли! И даже не еду, а лакомство... Да, правильно, — как угощение дорогим гостям. Как лукум на Афоне. И монах из святой Екатерины сказал, что ничего подобного не слышал... Может, день какой особенный?

Говорю:

— В сей день вся христианская Европа праздновала память Екатерины как своей святой покровительницы. А вы все трое — европейцы...

— А-а... Но откуда мыши здесь конфеты добыли?.. Хотя...

Информация к размышлению: от святой великомученицы Екатерины.

Кошелек

На волне открытия храмов после тысячелетия Крещения Руси в Церковь внесло очень много людей вроде Любы «Рыжей», как ее звали на приходе. Все были крещены с младенчества, но до самой пенсии знали только одно: «я — православная».

Помню, первый раз подозвал ее на исповедь:

— Иди сюда, грешница!

— На что Вы, батюшка, намекаете? Какие такие грехи? Я уже год, как без мужа живу!

После службы обсуждала только земные заботы, так и тут подходит:

— Батюшка, я всех денег лишилась! Вчера получила только пенсию и — прямо на базар. Купила все, пришла домой, сразу — на кухню. Все покупки выложила на стол, а в самом низу был кошелек, я всегда так кладу, чтобы не стащили: известно — на базаре одно жулье. Хватить-похватить, нету кошелька... Я даже сумку растягивала, смотрела на свет: может, дырку не заметила, а то и жулики прорезали дно. Нет — и все!

Видя надобность в дедуктивном методе, пригласил ее присесть на лавку:

— А ключи от дома у тебя не в кошельке были?

— Нет, ключи маленькие, я их в кармане кофты ношу. А кошелек и сам по себе большой да

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

тяжелый, тут еще и вся пенсия в нем, — куда его в карман!

— И что?..

— Да чуть с ума не сошла... Денег-то ни копейки! Вернулась на базар, всех-всех на три раза обошла, искала и расспрашивала... По пути и туда, и обратно два раза пробежала, все осмотрела, всех, кого видела, расспросила... Ну, ничего не понимаю! Ведь до сих пор помню, как заталкивала его в самый низ... И домой зашла — тотчас на кухню, да и разгружаться...

Вспомнил тут: мученику Иоанну Воину молятся о покраже, как раз его память прошла, читал в житии. Нашел книгу «Молитвы, на молебнах чтимые», открыл молитву Иоанну Воину, а там — ни слова о покражах или вообще о земных напастях.

Однако все равно предложил:

— Давай вместе прочитаем молитву Иоанну Воину!

Встали напротив иконы другого Иоанна — Предтечи — и прочитали.

После следующей службы Люба еле дождалась конца и сразу по отпуске кинулась ко мне:

— Батюшка, Вы ни за что не поверите! После службы тогда пришла домой и вспомнила, что картошка кончилась. Надо идти в погреб, на это у меня особая сумка — матерчатая, грязная, отдельно на полу в кладовке валяется. Поднимаю ее и думаю:

что уж она такая тяжелая? То ли уж грязи столько накопилось? И уж хотела прямо в унитаз вытряхнуть, да думаю: а вдруг там что-нибудь крупное, еще и унитаз засорю... Глядь — а там кошелек лежит!!! Господи Боже мой! Да как я обрадовалась, что все деньги целы!!!

Вздыхнула от избытка чувств и закончила:

— Батюшка, но ведь говорят, что сейчас чудес нет, одна наука осталась... Говорят, что если бы такие чудеса случались, то все бы пришли к Богу...

— То-то и чудо, — говорю, — что ты к Богу пришла.

Молитва в бане

Это — про Катерину-большую, как ее называли на приходе для отличия от Катерины-маленькой, той, что была постарше и знала наизусть всю пасхальную службу и видела незадолго до кончины, как играет солнце на Пасху.

Катерина-большая — та ничего толком не знала про Церковь и после первой службы на Троицу на весь храм удивлялась:

— Вон что! А я всегда думала, что Троица — это Христос, Богородица и Никола!

Впрочем, в юности она слышала пение ангелов. Тогда их семья жила в таежном поселке на севере Томской области, сослан-

ная при раскулачивании. Среди ссыльных оказалась опытная псаломщица, знавшая наизусть немало служб. К ней собирались помолиться многие, среди них и Катерина.

Однажды зимой, проходя мимо дома псаломщицы, услышала такое пение, что долго просто стояла и слушала, не в силах пошевелиться. Когда дивное пение стихло, она с обидой подумала: «Собрались там, а меня не пригласили!»

Но вошла в избу и никого не увидела, псаломщица лежала под тулупом на лавке, всмотрелась в лицо Катерины и еле слышно спросила:

— Ты слышала?..

Та кивнула.

— Значит, слышала... Это ангелы приходили, скоро и смерть придет...

Все на приходе относились к Катерине-большой попросту, на ее церковную неграмотность не обращали никакого внимания, и я оставил ее просвещение на волю Божию, тем более, что она сама никого ничему не учила и была по-крестьянски трудолюбива.

Лишь однажды она обратилась ко мне за разъяснением:

— Батюшка, я на днях была в селе у племянницы в гостях, они с мужем живут вдвоем в своей избе, баня у них мне нравится, вот и езжу. Всегда моюсь последняя, когда жар спадет...

Тогда Катерине было под семьдесят.

— Тот раз они припозднились, я пошла аж в двенадцать ночи. Они сказали, что — ничего, подождут меня, легли и стали читать.

Она покачала головой и продолжила:

— Ну, вымылась, попарилась маненько, посидела в предбаннике, остыла и стала входную дверь приоткрывать, чтобы одеться на прохладе.

Катерина помолчала, поежилась:

— А дверь та — одно название! Никогда не закрывалась: баню скоро после постройки повело от сырости, дверная-то коробка перекосилась, дверь в нее и не входит. Так — просто чуть держит тепло, да и ладно. А тут я, как обычно, легонько толкнула ее, а она не открывается. И лавкой ее била — маленькой, и кочергу хотела вставить в щель — дак щели вовсе нету!

— Что за притча? — думаю себе. И так, и сяк бьюсь — нет, все без пользы. А уж поздно. Я и на племянницу с мужем сержусь: что ж они про меня забыли?

Вздохнула:

— Вот устала, села на лавку и решила помолиться. Только сложила пальцы для крестного знамения, а какой-то голос внутри меня прямо так громко говорит: «В бане нельзя молиться!»

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

Я так и обмерла и говорю вслух: «Что же мне — умирать здесь?» Заплакала: «Господи, помилуй!» И вдруг дверь сама отворилась после «Господи, помилуй!», я кое-как набросила одежду и — бежать в избу. Захожу, а племянница уже встала — идти за мной. Я им все об- сказала. Муж племянницы после днем все осмотрел: нет, никак нельзя дверь закрыть! И что же это, батюшка, к чему это?

— К тому, Катерина, как видишь, что Бог любит любит, когда мы Ему молимся, а бесы мешают молитве и в храме, и дома, даже в бане. Но Бог сильнее бесов и в храме, и в бане.

Кот vs Кэт

Один из самых примечательных насельников Раифского монастыря — кот Васька. Его плотное сложение не мешает ему мгновенно появляться или исчезать. Третью американских ученых считает: коты являются разведчиками инопланетян. Однако Васька, по мнению некоторых, превосходит уровень вредоносности известного персонажа в сериале «Kid vs Cat» («Малыш против Кота»).

Паломница Катерина шепотом сообщила мне:

— Батюшка, Васька ваш — колдун!

— ?

— Он заколдовал мой нос, так

что я его совсем не чувствую! А Васька этот ходит и улыбается... Смеется надо мной!

Катерина приехала в Раифу ради поисков старца. Прежний ее старец, живший в лесной глухомани, преставился в мир иной.

— Он перед смертью говорил мне: «Ищи другого старца, чтобы он тебе заново поставил защиту... У тебя там в вашем городе есть главная колдунья, с ней нелегко справиться — она часто переезжает, и я не могу попасть в нее молитвой...»

Мне представилась сцена из «Гарри Поттера» — как вылетают молниями заклинания из магической палочки, спрашиваю:

— Как же старец справлялся с ней?

— Он сказал, что поставил мне защиту, но ему надо ее обновлять, а после смерти мне самой надо найти другого старца, чтобы тот уже делал обновление.

Видимо, старец что-то знал о компьютерах и антивирусах. Я посочувствовал:

— Трудно найти такого старца.

— Да... уж... И в Псково-Печерском была, и в Сергиевой Лавре... Везде — не старцы, а колдуны! У каждого в келье — или телевизор, или компьютер. А у Вас есть?

— Нету.

— Так Вы старец?

— Нету, у нас монастырь молодой, недавно открылся...

Во времена оные захаживал Васька и в редакцию...

Она тихо ахнула и благочестивой побужкой удалилась прочь — к нам приближался сам Васька. Он уверенно втерся в недра экскурсии, которая на площади перед Троицким собором завершала обзор обители; среди полусотни дивчин возвышался гарный хлопец Мыкола в подряснике и сукфье.

Когда он распрощался с кулинарным колледжем, я с сожалением сказал:

— Вот нету у меня фотоаппарата, а то бы вышел прекрасный сюжет: «Первое послушание в мужском монастыре»! И на первом плане Васька — на плечах дивчиноньки, внимаает проповеди.

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

— Да, батюшка, этот Васька — он прямо чует, где пожива. Девушки его давай наперебой хвалить да кормить. А к другим экскурсиям, бывает, и не подходит!..

Служа панихиду, прочитал в записке: «О упокоении Старца...» Невольно повел взглядом и встретился с блуждающим взором рабы Божьей Катерины. Судя по всему, она опасалась проникновения в храм Васьки.

После «Вечной памяти» попросила меня проводить ее до ворот. Кланяясь вместе со мной на выходе, показала пальцем:

— Видите, еще и подмигивает мне, дескать: «Я от тебя не отстану»...

— Да ты что, Катерина, ни разу не видел, чтобы кот моргал одним глазом. Они и вообще-то почти не моргают...

— Батюшка, да это ведь не кот!

Постоял у колокольни, посмотрел ей вслед. А Васька направился к озеру, точнее — в сторону кафе на берегу. Напившись в кафе, Вася обычно въезжает в монастырь на плечах «начальницы» нашего Детского корпуса. Он и в целом более доверяет женскому сообществу.

Рассказал сию историю одному из насельников, наиболее ученому и серьезному. Он покачал слегка головой:

— Не знаю... На днях спросил его: «Как дела, Вася?» Он поднял морду, внимательно так поглядел и вдруг подмигнул одним глазом — и ушел так неторопливо... Словом, не знаю, что и думать...

Помнится, тогда я знал, что думать. Но вскоре моя точка зрения ушла в окружающий лес, который вот уже четыреста лет является заповедным. «Там, на неведомых дорожках...» Да, именно «на неведомых»! Поэт точно описал Раифский лес.

Там встречаются такие дорожки, которые могут завести мою точку зрения неведомо куда. Да и пусть ее! Еще Авва Дорофей о ней тоже писал: «Некоторые говорят: от того падает человек, или от того; а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе».

Вот и весь сказ, как выражается наш иеродиакон Иоанн «Седой».

Заповедные леса вокруг Раифского монастыря. Фото Георгия Розова

«...Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду...»

Формат 170x240

**Гарнитура
LazurskiCCT, Futuris CCT, Baltica CCT
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Заказ №**

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертикаль»:
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21**

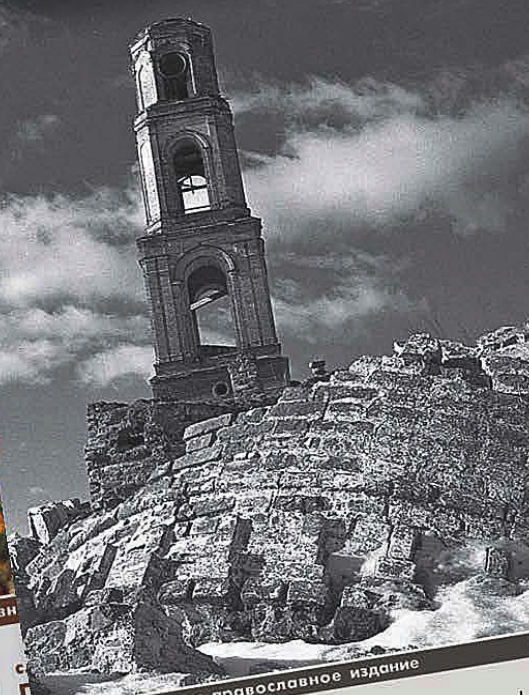
К 400-ЛЕТИЮ

Раифского монастыря
РАИФСКОГО МОНАСТЫРЯ

Раифский
Альман

Раифский
Альманах

ежегодное православн

ежегодное православное издание

с. 4
Три
чудотворные
Святыни

с. 4
Иконы
Раифы

с. 16
Насадители
нивы Христовой

ЦЕРКОВНО-
исторические
труды...

УНИКАЛЬНЫЕ
архивные
материалы...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
произведения...

РАНЕЕ НЕ
ПУБЛИКОВАННЫЕ
или незаслуженно
забытые
святоотеческие
труды...

Спрашивайте
в церковных лавках,
заказывайте
по тел. **8-9063-25-73-76**

«РАИФСКИЙ ВЕСТНИК»
ПРЕДЛАГАЕТ
**дизайн
брошюр,
представительских
буклетов, газет,
журналов.**

ПО ВАШЕМУ ЗАКАЗУ
**возможна
верстка книг.**

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
**государственная
регистрация
изданий в Российской
книжной палате.**

ОБРАЩАТЬСЯ
+7- 9063-25-73-76

*Раифский
Альманах*

raifa@raifa.ru
<http://www.raifa.ru>
almanac
